

КИТ СТРЕЙКВУД

ХАРАКТЕР В ПОСТУПКАХ

КАК МЫ ПРОЯВЛЯЕМ СЕБЯ
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Кит Стрейквуд

**Характер в поступках. Как мы
проявляем себя среди людей**

«Автор»

2026

Стрейквуд К.

Характер в поступках. Как мы проявляем себя среди людей /
К. Стрейквуд — «Автор», 2026

«У меня такой характер» может оказаться самой дорогой отговоркой в вашей жизни. Прямота превращается в резкость. Осторожность в подозрительность. Уверенность в самонадеянность. Где именно ваше достоинство начинает работать против вас? Посмотрите на 15 типов характера через поступки исторических личностей, их победы и провалы. Узнайте собственные реакции в чужих судьбах и разберитесь, что стоит усилить, а что пора держать под контролем. Откройте эту книгу, прежде чем привычное «я всегда так делаю» снова испортит важный разговор или решение.

© Стрейквуд К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Как вести себя людям с прямолинейным характером	6
Глава 2. Как вести себя людям с тонким и проницательным характером	20
Глава 3. Как жить людям с бунтарским характером	37
Глава 4. Люди с подозрительным характером	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Характер в поступках. Как мы проявляем себя среди людей

Предисловие

Предисловие

Признаете вы это или нет, но характер в значительной степени определяет вашу жизнь. Конечно, у каждого человека есть свой характер, отличающий его от других, иначе его нельзя было бы назвать человеком. Характер человека определяет успех или неудачу в карьере, хорошие или плохие отношения с окружающими, высокое или низкое качество жизни, и даже семью, брак и здоровье; он влияет на то, как человек ведет себя и действует, и может проявиться даже при решении самых мелких дел — хотя сам он, возможно, не придает этому значения или не осознает этого, поскольку это продиктовано характером и со временем стало привычкой.

Согласно результатам авторитетного исследования, опубликованного в США, средний IQ успешных людей в политической и деловой сферах США за последние 20 лет находится на среднем уровне, в то время как их эмоциональный интеллект (EQ) — на высоком. Компоненты эмоционального интеллекта человека в основном включены в его характер — из этого видно, что важная роль характера в жизни человека уже получила достаточно широкое признание.

Как гласит пословица: «Горы и реки легко изменить, а характер — трудно». Характер имеет как врожденную, так и приобретенную составляющие, причём приобретенные факторы играют весьма важную роль. Влияние окружающей среды на характер человека двояко: она может как закалить и изменить один тип характера, так и способствовать формированию и усилению другого. Поэтому человеку очень трудно понять, как ведет себя другой человек. При этом характер каждого человека не является однозначным, и, возможно, именно поэтому жизнь полна взлетов и падений, радостей и печалей, встреч и расставаний — и не бывает скучной, как вода.

Безусловно, у каждого типа характера есть свои достоинства и недостатки, но речь идет не о том, что лучше, а что хуже: умение использовать сильные стороны и скрывать слабости зависит от воли каждого человека и от его способности к саморегуляции. Умение сдерживать импульсы можно развить, и человек, умеющий это делать, в значительной степени влияет на качество своих межличностных отношений. В этой книге собраны примеры из жизни известных людей, которые можно использовать в качестве ориентира.

Для каждого человека жизненный путь не может быть гладким и беспрепятственным, то есть, как говорится на сайте, когда внешние обстоятельства мешают реализации амбиций и дела идут не так гладко, нужно научиться полноценно регулировать свои эмоции и своевременно корректировать настроение. Как только вы научитесь использовать достоинства своего характера и избегать его слабостей, ваш жизненный путь станет беспрепятственным.

Глава 1. Как вести себя людям с прямолинейным характером

Самым большим достоинством человека с прямолинейным характером является твердая вера в истину, стойкость в убеждениях и непримиримость перед внешним давлением — подобно лотосу, расцветающему из грязи, или сливовому дереву, гордо противостоящему ветру и морозу. Такой человек отличается открытостью и искренностью, говорит прямо, не стесняясь, ненавидит зло как врага и остается верным себе. Обладая независимой волей и свободным духом, они легко завоевывают уважение и доверие окружающих, а в беде становятся духовной опорой для других.

Прямолинейный характер вызывает всеобщее восхищение, однако у него есть и недостатки: чрезмерная прямота может привести к чрезмерной резкости, чрезмерная упрямство — к эгоизму, а чрезмерная искренность — к недостатку здравого смысла. Поэтому люди с прямолинейным характером сталкиваются с препятствиями в жизни, часто подвергают себя опасности, сопровождаются несчастиями и страданиями и даже подвергаются бедам.

1. Откровенность и непримиримость к злу

В новейшей истории Китая Хо Сяньнин была великой женщиной, стоящей в одном ряду с Сун Цинлинь. Вместе со своим мужем Ляо Чжункаем она, исходя из общенациональных интересов и ставя патриотизм на первое место, активно содействовала сотрудничеству между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая, а также всю свою жизнь боролась за дело китайской революции и освобождение женщин.

Хотя Хо Сяньнин и была женщиной, она обладала честным и прямолинейным характером, не терпевшим ни малейшего зла, коварства или хитрости. В хаосе лагеря Гоминьдана она, независимо от того, насколько велики были власть и влияние собеседника, даже если это был Чан Кайши, без исключения прямо указывала на его ошибки. Она вложила этот характер в ту эпоху и тем самым сформировала тот период истории.

«Одно дерево с цветами сливы в компании нарциссов, северный ветер силен, но оно остаётся непоколебимым. Лед, иней и снег давя на него, но дух его ещё сильнее; победив суровую зиму, его кости становятся ещё крепче». Эти строки отражают душевные переживания Хо Сяньнин и являются отражением её прямолинейного характера. Хо Сяньнин сравнивала себя с цветущей сливой, демонстрируя черты великой женщины, верной справедливости, честности и высоким нравственным принципам.

Хотя Хо Сяньнин и была одним из старейших деятелей Гоминьдана, её честный характер и патриотизм не позволяли ей ужиться с Чан Кайши. Она всегда оставалась холодной, как лед, по отношению к Чан Кайши, предавшему завещание Сунь Ятсена, и не боялась вступать с ним в борьбу. В 1926 году, когда Чан Кайши инсценировал антикоммунистический «инцидент с кораблём „Чжуншань“», Хо Сяньнин прямо в лицо упрекнула его: «Тела господина Сунь и Чжункая ещё не остыли, Северный поход только начался, перед нами стоит грозный враг, а вы уже сеете раскол в рядах революционеров. Как вы сможете ответить перед господином Сунем? Как вы сможете ответить перед Чжункаем?»

В лагере Гоминьдана почти никто не осмеливался так говорить с Чан Кайши, но Хо Сяньнин не боялась ни говорить, ни ругать — она была бесстрашна, и именно в этом заключался её прямолинейный характер, которого даже сам Чан Кайши боялся на три части.

В ноябре 1927 года Чан Кайши, уже не раз бывавший женат, и Сун Мэйлин готовились пожениться в Шанхае; тогдашние газеты широко освещали это событие под броским заголовком «Сотрудничество между Китаем и США». Хитрый Чан Кайши, стремясь придать свадьбе «вес» и учитывая, что Хо Сяньнин была старейшим и наиболее авторитетным членом лагеря

Гоминьдана, хотел пригласить её в качестве свидетельницы на свадьбе. Хо Сяннин воспользовалась этой возможностью, чтобы убедить Чан Кайши прекратить расправу над революционерами и отказаться от антикоммунистической политики. Чан Кайши привёл оправдания, но Хо Сяннин, видя, что разговор ни к чему не ведёт, в гневе развернулась и ушла, отказавшись быть свидетельницей на свадьбе Чан Кайши, чем поставила его в крайне неловкое положение. Для представителей лагеря Гоминьдана это, пожалуй, было бы поводом для того, чтобы заискивать перед ним, тем более что Чан Кайши сам обратился с просьбой, а Хо Сяннин отнеслась к этому с пренебрежением, не пойдя на поводу у Чан Кайши. Для женщины это было чрезвычайно ценным поступком. В этом явно проявилась прямолинейность Хо Сяннин.

Хэ Сяннин была честной и прямолинейной, прямолинейной, как острый клинок, не знающий страха; её мужество было непреодолимым. Она не только резко допросила Чан Кайши и отказалась быть свидетельницей на его свадьбе, но и осмелилась публично унижить его — в лагере Гоминьдана это было беспрецедентным и неповторимым поступком.

После «инцидента 18 сентября» Чан отказался сопротивляться японцам, по-прежнему придерживаясь реакционной стратегии «для отражения внешней угрозы необходимо сначала навести порядок внутри страны», готовясь терпеть унижения и идти на уступки перед агрессорами, но при этом настроенный на полное уничтожение Коммунистической партии. Хо Сяннин была крайне возмущена поступками Чан Цзеши. Она отправила ему одно из своих платьев, приложив к нему стихотворение:

Напрасно называешь себя мужчиной, добровольно терпишь унижения от японских работников,

Не вступив в бой, отдал горы и реки — Позор на все времена.

Мы, женщины, готовы умереть на поле боя,

поменяем наши женские наряды на твою военную форму.

Хэ Сяннин была прямолинейна и ни в коем случае не сдерживала гнев, выплеснув его из души. Вряд ли Чан Кайши, увидев это женское платье и стихотворение, отнесся к ним с таким же спокойствием, как Сыма И, когда в те времена получил от Чжугэ Ляна комплект женской одежды. Её поступок поставил Чан Кайши в затруднительное положение: он не мог ни плакать, ни злиться. В этом и заключается прямолинейность Хо Сяннин. Чжугэ Лян был святым, полностью соответствующим конфуцианским нормам, он был предан Лю Бэю, а Хо Сяннин была верна принципам праведности Китая как части мирового порядка, поэтому она неизбежно должна была встать на сторону справедливости, что, без сомнения, свидетельствует о её честном характере.

Хэ Сяннин отличалась прямолинейностью и высокими моральными принципами, не терпела зла и не допускала коварства, что делало её характер ярко выраженным; она так относилась к Чан Кайши, и столь же безжалостно обращалась с женами и дочерьми высокопоставленных деятелей лагеря Гоминьдана.

Чэнь Циунмин, выступив против похода Сунь Ятсе на север, начал военные действия против него и заключил в тюрьму Ляо Чжункая. В самый критический момент спасения Ляо Чжункая жена Ван Цзинвэй, Чэнь Бицзюнь, судя о благородном человеке по своим низменным мотивам, выдвинула ложную теорию, что Хо Сяннин надеется на провал плана Сунь Ятсе по походу на север, чтобы Ляо Чжункай мог обрести свободу. Хэ Сяннин, придя в ярость, тут же дала Чэнь Бицзюнь пощечину и гневно воскликнула: «Какой бы эгоистичной я ни была, я ни за что не пожертвовала бы господином Чжуншаном ради спасения Чжункая».

В этом проявилась прямота и честность Хо Сяннин, которая не стеснялась своих убеждений и руководствовалась здравым смыслом, а не эмоциями.

В критический момент Войны сопротивления Японии Хо Сяннин не только «продала все свои накопленные за долгие годы книги и картины, а вырученные средства направила на антияпонскую деятельность и помощь раненым», но и мобилизовала жен и дочерей высокопо-

ставленных чиновников Гоминьдана на сбор пожертвований для войны. Во время одной из таких акций первой записалась жена Сун Цзывэня; едва она закончила запись в книге пожертвований, как Хо Сяннин, увидев, что та просто отбыла формальности, указала на неё и громко воскликнула: «В борьбе с японцами и за спасение страны — кто есть деньги, тот вносит деньги. Какой пример ты подала? Ты самая богатая, но пожертвовала такую сумму — кто же после тебя осмелится пожертвовать больше?» Супруга Сун Цзывэня оказалась в столь неловком положении, что не знала, как выйти из ситуации. Такова была Хэ Сяннин: независимо от того, с кем она имела дело, она не знала пощады, руководствуясь лишь справедливостью и истиной.

Так Хо Сяннин стала одной из немногих «белых ворон» в Гоминьдане: она отстаивала истину, была бесстрашной и самоотверженной, а её слова и поступки не знали ограничений, что делало её в глазах людей более живой, эмоциональной и пламенной. Хо Сяннин была виртуозной художницей, всю жизнь она любила рисовать сосны, бамбук и сливу. Благородство сосны, гордость сливы, честность бамбука — всё это оживало на бумаге. На самом деле это было отражением её характера и нравственных качеств. Она также любила изображать могучих львов и свирепых тигров, что символизировало «пробуждение спящего льва и возрождение могущества тигра»; это было не только выражением стремления к освобождению родины и народа, но и правдивым отражением её собственного боевого духа и величественного мужества.

Прямолинейность и материнская любовь Хо Сяннин сливались воедино, а воспитание детей было тесно связано с её ответственностью перед страной и народом. Она назвала дочь Мэнсин, что означало пробуждение китайского народа от тысячелетнего сна, а сына — Чэнчжи, что означало наследование революционных устремлений. Её дети были членами Коммунистической партии Китая и участвовали в подпольной борьбе против реакционеров Гоминьдана. Её сын Ляо Чэнчжи неоднократно подвергался арестам со стороны реакционеров Гоминьдана за революционную деятельность. Опираясь на свой авторитет как старейшины Гоминьдана, она изо всех сил пыталась его спасти. Хотя власти Гоминьдана неоднократно требовали от неё «строго дисциплинировать» детей и «не допускать их участия в политической деятельности», Хо Сяннин по-прежнему поступала по-своему и поддерживала действия своих детей. Всё это было ярким проявлением её честного, прямолинейного, смелого и бесстрашного характера.

В характере Хо Сяннин мы видим дух великой женщины, считавшей судьбу страны своим личным долгом. В то трудное для Китая время именно такие женщины были нужны — те, кто сменил женское платье на военную форму и вместе с мужчинами пошел навстречу национальному бедствию. Разве не в этом заключается выдающаяся сущность Хо Сяннин? Спросите у всего мира: сколько же женщин способны, как Хо Сяннин, оставаться честными и откровенными?

2. Придерживаться истины: говорить то, что думаешь

В Китае Ма Иньчу — широко известная фигура в академических кругах. В 50-е годы, в период «Большого скачка», его работа «Новая теория народонаселения» перешла из области академической критики в сферу политической критики. Ма Иньчу остался верен себе, не оправдываясь тем, что идет вразрез со временем и обществом, и отстаивал свободу духа интеллигенции; его непоколебимая независимость принесла ему звание «величайшего ученого под небом».

Ма Иньчу отличался прямолинейным и непоколебимым характером, не боялся власти и отстаивал истину — это определило его жизненную позицию: что он думал, то и говорил. В эпоху правления Гоминьдана он громко раскритиковал Чан Кайши, яростно обвинив его в том, что тот является «семейным героем», и своим телом противостоял пулям Гоминьдана — каким же героическим был его патриотический пыл! Если тогда противники Чан Кайши пользовались

поддержкой всего народа, то в 50-е годы Ма Иньчу не только не имел влияния и авторитета, но и, несмотря на то что противостояние ещё не началось, исход уже был предreshён.

В то время этот инцидент всколыхнул даже премьер-министра Чжоу Эньлая. Чтобы урегулировать противоречия и не допустить их обострения до предела, премьер-министр Чжоу, выступая в роли старого друга, провел с Ма Иньчу откровенную беседу. Однако Ма Иньчу, ради академического достоинства, впервые отклонил доброе намерение уважаемого им премьер-министра Чжоу, считая, что для него, Ма Иньчу, несложно признать свои ошибки, но заставить научную истину склониться перед мирской властью он ни за что не мог принять.

Решительность Ма Иньчу невольно напоминает знаменитое высказывание Аристотеля: «Я уважаю Платона, но еще больше люблю истину». Или, как мы, китайцы, обычно переводим: «Я люблю своего учителя, но еще больше люблю истину». В связи с этим Ма Иньчу опубликовал статью в журнале «Новое строительство», специально добавив в нее раздел «Несколько слов тем, кто заботится обо мне, и выражение искренней благодарности»:

В заключение я хочу выразить благодарность и принести извинения ещё одному хорошему другу. Когда я переживал тяготы в Чунцине, он изо всех сил пытался меня спасти; когда в 1949 году я отправился из Гонконга на север, чтобы участвовать в политической жизни, я также приехал по его телеграмме. За всё это я бесконечно благодарен и до сих пор чётко помню об этом. Однако на этот раз, столкнувшись с академическим вопросом, я не принял его искренних и доброжелательных советов, что вызвало у меня огромное недовольство, поскольку я достаточно уверен в своей теории и не могу не отстаивать её, а академическое достоинство необходимо защищать, поэтому я был вынужден отказаться от пересмотра своей позиции. Буду счастлив, если этот мой друг по-прежнему проявит широту взглядов и не расценит мой отказ от пересмотра как неповиновение.

Тот факт, что премьер-министр страны был вынужден лично выступить посредником в академическом споре, свидетельствует о том, насколько высоким был уровень и насколько обширным был масштаб спора, вызванного Ма Иньчу.

То, что подобный инцидент произошёл в 50-е годы, вскоре после освобождения Китая, действительно нетрудно понять, однако это вызывает искреннее удивление.

Ма Иньчу был ученым с позитивным настроением, чья душа наполовину опиралась на его прямоту. В молодости он учился в США, в совершенстве владел английским, немецким и французским языками, что позволяло считать его эрудитом, охватывающим как восточную, так и западную культуру. Однако ради изучения социалистической экономики Советского Союза в возрасте 69 лет он вновь «в старости проявил юношеский задор», с головой погрузившись в изучение русского языка, и всего за три года — разумеется, в свободное от основной работы время — смог свободно читать русские книги и газеты. Такое достижение было бы впечатляющим даже для студента в расцвете сил. В 1916 году он вступил на кафедру Пекинского университета, где занимал должности профессора, заведующего кафедрой и проректора по учебной работе; через 10 лет он покинул университет, чтобы с размахом проявить себя в широком мире. Спустя 25 лет, несмотря на то что ему уже исполнилось семьдесят, он с радостью вернулся в «Красный дворец» на Шатане и занял пост первого ректора Пекинского университета после основания Нового Китая. Он «до седых волос погружался в изучение классиков, с возрастом становился всё более стойким; находясь в университете, он заботился о благе всего человечества, размышлял о теории, уделял внимание практике, ориентировался на Китай, охватывал взглядом весь мир, исследуя историю и вглядываясь в будущее».

После того как Ма Иньчу углубился в изучение экономики, демографическая проблема Китая всегда оставалась в центре его внимания. В глазах тех, кто твердо верил в социализм, в Китае вообще не было демографической проблемы — это было весьма абсурдное утверждение. Под руководством идеалистической теории, гласившей, что «человек победит природу», демографическая проблема Китая превратилась в глобальную трудноразрешимую задачу, и

как ученый Ма Иньчу предсказал, так и случилось. Но как китаец и пионер мысли он погрузился в глубокую печаль, осознавая свою беспомощность перед лицом неизбежного.

Пророчество, ставшее сбывшейся предсказанием, заставило страдающий от бедствий Китай запомнить это историческое предупреждение Ма Иньчу, но цена, которую пришлось за это заплатить, была ужасающей. Как историческая личность, Ма Иньчу с тех пор появился на исторической арене. Его полемика по вопросам народонаселения вывела его в ряд выдающихся деятелей столетия. В общественной жизни он полностью изменил свою прежнюю осторожность и сдержанность, присущие научной деятельности: он твердо верил в правильность своих взглядов и утверждений и считал, что даже если другие не согласны с его точкой зрения, он не изменит направление своих исследований из-за общественного противодействия. Его уверенность в себе возмутила многих, и они один за другим обрушились на Ма Иньчу с критикой, но он остался невозмутим и заявил, что продолжит исследования, постепенно дорабатывая и дополняя свои новые взгляды, чтобы представить их на следующем заседании Всекитайского собрания народных представителей.

Истина является истиной именно потому, что она сама по себе обнажает ложь и ставит тех, кто придерживается ошибочных взглядов, в неловкое положение. Прямой и честный характер Ма Иньчу не поддавался давлению власти, и после более чем года обширных исследований и углубленного анализа в марте 1957 года он вынес проблему народонаселения на обсуждение высшего совещания Государственного совета в Чжуннаньхае. «Большая численность населения — это наша смертельная рана», — сказал он. «Достаточно лишь изучить динамику роста населения Китая, чтобы понять всю серьезность демографической проблемы. Только по результатам переписи населения 1953 года стало известно, что численность населения нашей страны уже превысила 600 миллионов, а за четыре года она увеличилась как минимум на 50 миллионов. Я сделал приблизительные расчёты: если исходить из чистого прироста в 2%, то через 15 лет население достигнет 800 миллионов, а через 50 лет — 1,6 миллиарда; если исходить из чистого прироста в 3%, то через 15 лет оно достигнет 930 миллионов, а через 50 лет — 1,6 миллиарда...» Дойдя до кульминационного момента, Ма Иньчу, не упустив случая, поставил участников заседания в тупик: «Наша социалистическая экономика — это плановая экономика. Если не включить население в план, не контролировать его численность и не проводить политику планирования рождаемости, то это уже не будет плановой экономикой!»

Эти взгляды заставили присутствовавших на заседании высших руководителей высказаться. Говорят, что председатель Мао Цзэдун выступил прямо на месте. Мао Цзэдун сказал: «Можно ли превратить народонаселение в плановое производство — это вполне можно исследовать и опробовать. Ма Иньчу сегодня выступил очень хорошо! Раньше его мнения не пробивались в рамках политики «цветения сто цветов»: как только он готовился высказаться, кто-то возражал, не давая ему говорить; сегодня же он, наконец, смог высказаться свободно».

Одобрение со стороны высших властей, несомненно, было самой большой поддержкой научной теории Ма Иньчу, однако ученые перед лицом политики зачастую бывают наивными и простодушными. Ма Иньчу был в восторге, и в конце апреля он решил выступить с публичной речью в Пекинском университете — это был его первый научный доклад после основания страны. Несмотря на свой статус ректора, он лично развесил афиши по всему кампусу. Затем он на основе текста той лекции, учитывая мнения со всех сторон, после более чем месяца тщательной доработки в конечном итоге создал обширную научную статью. Чтобы отличить себя от Мальсаса и других ученых, занимавшихся демографией, он назвал статью «Новая теория народонаселения».

«Новую теорию народонаселения» можно назвать неудачным произведением, появившимся не в то время. Ранней весной 1957 года во всей партии развернулась общенациональная кампания по исправлению стиля работы; в то время царила атмосфера благополучия, когда весенний ветер дул мягко, а небо было высоким и солнце ярким, и Ма Иньчу, ускорив

свои исследования по вопросам народонаселения, был глубоко вдохновлён именно этой общей обстановкой. Однако в связи с некоторыми неожиданными политическими «холодными ветрами» как на международном, так и на внутреннем уровне 15 мая Мао Цзэдун написал статью «Ситуация меняется», предназначенную для распространения среди высшего руководства, в которой указал, что правые элементы, пользуясь возможностью, предоставляемой кампанией по исправлению стиля работы, ведут яростную атаку на партию; 8 июня газета «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью «Почему так?», что ознаменовало начало потрясшей Китай и весь мир борьбы с правыми. К июлю вся страна уже была охвачена пламенем массовой критики. Статья «Новая теория населения» не могла появиться ни раньше, ни позже — она была опубликована именно в этот момент, причём в тоне, указывающем на ошибки и убедительно доказывающем вред, что не могло не вызвать подозрений у революционных масс, вооружённых «учением о классовой борьбе».

5 июля 1957 года на первой странице газеты «Жэньминь жибао» в качестве главной новости было напечатано: «Многие делегаты выступили на заседании Всекитайского собрания народных представителей, решительно отстаивая народно-демократический строй».

А на 11-й странице, переходящей на 12-ю, был опубликован полный текст статьи Ма Иньчу «Новая теория народонаселения»; важные абзацы статьи были многократно обведены чернилами, и хотя текстовых комментариев не было, в политической атмосфере явно чувствовался запах пороха.

В разгар празднования 60-летия Пекинского университета Чэнь Бода принял участие в мероприятии и выступил с юбилейной речью. Чэнь Бода, очевидно, точно уловил настроение, и в середине собрания внезапно изменил выражение лица, косо посмотрел на Ма Иньчу, сидевшего на трибуне, и громко заявил: «Ма Иньчу должен подвергнуть критическому пересмотру свою работу „Новая теория народонаселения“!»

В результате Ма Иньчу и его «Новая теория народонаселения» оказались на скамье подсудимых. Суровой зимой 1959 года в здании «Линьхусюань» Пекинского университета, заваленном снегом и покрытом льдом, под воем встречного ветра проходило собрание, посвящённое критике реакционной теории народонаселения Ма Иньчу. Кан Шэн, специально прибывший для поддержания авторитета, прервал выступление критика и злобно вставил:

«Ма Иньчу однажды сказал, что некоторые называют его марсасистом, но он с этим не согласен. Он сказал, что Марсас — из рода Ма, Маркс — тоже из рода Ма, а он — из рода Ма, к которому принадлежит Маркс. «Новая теория народонаселения» Ма Иньчу — это «Ма» из фамилии Маркса или «Ма» из фамилии Марсаса? По-моему, пришло время прояснить этот вопрос: я считаю, что «Новая теория народонаселения» Ма Иньчу, без всякого сомнения, принадлежит к «семье» Марсаса!»

Кан Шэн, этот так называемый теоретик, привыкший давить на людей «дубиной» в виде «измов» и «классов», тут же навесил на Ма Иньчу злобную ярлык. Прямолинейный Ма Иньчу мгновенно пришел в ярость: эти люди, обладающие огромной властью, вместо того чтобы решать реально существующий кризис, вмешиваются в дискуссию и раздают указания. Поэтому, едва Кан Шэн закончил говорить, Ма Иньчу тут же ответил ему резким возражением:

«Я, Ма Иньчу, принадлежу к роду „Ма“ Маркса!»

Эта фраза, вырвавшаяся без раздумий, прозвучала громко и мощно, как звук древних колоколов, потрясая прошлое и настоящее. С этого момента начались взлеты и падения, а также испытания, которые принесла ему его непоколебимая честность.

Прямолинейность и бескорыстность Ма Иньчу, его открытость и широта взглядов давали ему силу стремиться к истине; его непоколебимый характер и мужество, не склоняющееся перед давлением, — таких людей, оглядываясь на прошлое и настоящее, можно пересчитать по пальцам. В таких тяжелых условиях Ма Иньчу дожил до 101 года, что является поистине редким исключением. Именно благодаря своей открытости и честности он смог воспеть: «Великая

река течет на восток, навсегда уходя вперед! Прошлое — как дым и туман, с новыми силами пишем новую книгу!» Благодаря своей бескорыстности и бесстрашию Ма Иньчу свыше смотрел на власть имущих, шел своим путем, и, достигнув такого уровня, даже смерть не могла над ним возобладать.

В возрасте, приближающемся к восьмидесяти годам, Ма Иньчу пережил тяжелое испытание и был вынужден покинуть пост ректора Пекинского университета и шумную политическую арену, переселившись в свой небольшой дворик на улице Дунцзобуху в Пекине. «Великая река тиха, но волны не утихают; одинокая лодка плывет в путь». Он отгородился от суеты мирской жизни, но не отгородился от величия духа, которое переживет века. Результатом такой силы воли стало то, что в возрасте ста лет он вновь вышел на сцену и вызвал у всего мира громкие восторги и потоки горячих слёз. Об этом его противники и во сне не могли себе представить, а его семья и друзья с трудом могли в это поверить. Его ценность наполовину заключалась в открытой им теории народонаселения, а наполовину — в его глубокой, величественной и независимой, непоколебимой честности.

3. Честь и позор — всё из-за прямоты

Приверженность принципам — одна из главных черт характера Гэн Чжэня, однако в феодальном обществе конфликт между принципами, законами и императорской властью был предсказуем. Людям с прямолинейным характером часто не хватает гибкости, что приводит к неудачам в жизни; именно так сложилась судьба выдающегося полководца династии Хань Чжоу Яфу.

В 158 году до н. э. конница хунну вторглась двумя колоннами, а авангард приблизился к округу Тайюань; Чжоу Яфу получил приказ разместить войска в Силу. Император Вэнь из осторожности лично отправился с инспекцией в Западную и Северную армии; везде, где он появлялся, весь лагерь выходил навстречу, чтобы приветствовать императора. Увидев такую картину, император глубоко забеспокоился: он действительно не знал, как эти войска смогут противостоять врагу в случае внезапного нападения хунну. Однако, когда он прибыл в лагерь Чжоу Яфу, его ждала совсем иная картина: когда карета императора подошла к лагерю Силу, он увидел, что все военные чиновники и солдаты держали в руках острые клинки, были одеты в доспехи, а на их арбалетах были натянуты стрелы.

Предшественник императора, подойдя к воротам лагеря, был немедленно остановлен солдатами и не смог пройти внутрь. Он обратился к военному чиновнику, охранявшему ворота, со словами: «Император вот-вот прибудет!» Однако дувей, охранявший ворота, ответил: «В лагере мы подчиняемся только приказам генерала и не слышим указов императора; генерал уже строго предупреждал об этом». Через некоторое время прибыла императорская карета, но военный чиновник по-прежнему не открывал ворота. Император Вэнь, не имея выхода, был вынужден послать человека с императорским знаком к Чжоу Яфу со словами: «Император желает лично поблагодарить войско за службу». Только тогда Чжоу Яфу отдал приказ открыть ворота лагеря.

Страж у ворот снова обратился к свите императора: «По приказу генерала в лагере ничьи колесницы и лошади не имеют права мчаться; нарушители будут казнены». Поэтому императору пришлось велеть своим людям держать лошадей за поводья и двигаться медленно. Когда они въехали в лагерь, Чжоу Яфу так и не преклонился в знак приветствия; он был одет в доспехи и, глубоко поклонившись императору Вэнь, сказал: «Ваш подданный одет в доспехи и не может преклониться; прошу принять меня по военному обычаю.» Император Вэнь наконец был тронут таким духом Чжоу Яфу; он поднялся, упершись в поперечину перед колесницей, сменил прежнее строгое выражение лица и послал человека поблагодарить Чжоу Яфу, сказав: «Император с почтением выражает генералу свою признательность». По завершении церемонии колесница императора покинула лагерь. Это достоверное описание произошедших тогда событий из «Исторических записей».

В то время многие министры с тревогой следили за Чжоу Яфу: хотя все знали, что он строго управляет войсками, этот поступок не мог не вызвать подозрения в неуважении к императору. Император Вэнь из династии Хань понимал, что Чжоу Яфу действовал ради страны и правителя, исходя из общего блага, но в душе он все же чувствовал, что тот переборщил, и считал, что достоинство императора все же было ущемлено, а его собственное самолюбие в некоторой степени задето.

К счастью, император Вэнь из династии Хань был мудрым правителем. Хотя он и испытывал к Чжоу Яфу скрытое недовольство, он сумел сдержать себя и, руководствуясь интересами государства, не дал этому проявиться. Более того, на смертном одре он сказал наследному принцу Лю Ци (будущему императору Цзин из династии Хань): «Если в будущем государство столкнется с серьезными трудностями, особенно в случае восстания, Чжоу Яфу можно будет поручить важную миссию».

Как и предвидел император Вэнь, вскоре после вступления на престол императора Цзин произошло Восстание семи царств. Вспомнив предсмертные слова Вэня, император Цзин назначил Чжоу Яфу на должность Тайвэя и поручил ему подавить восстание. По натуре прямолинейный Чжоу Яфу не стал ни восклицать «Да здравствует мудрый император!», ни отказываться от назначения императора Цзин, что заставило последнего посчитать Чжоу Яфу чрезмерно высокомерным и, возможно, презиравшим его как нового императора. Искренняя преданность встретила прохладный прием, и таким образом было заложено семя недовольства.

Чжоу Яфу, как и следовало ожидать, оправдал доверие: благодаря своей прозорливости и умению принимать верные решения, он неоднократно применял неожиданные тактические ходы и менее чем за три месяца добился полного успеха.

За заслуги в подавлении мятежа, в седьмом году правления императора Цзин династии Хань Чжоу Яфу был назначен канцлером. Поскольку Чжоу Яфу всю жизнь занимался военным делом, а по натуре был прямолинеен, признавал только логику и не разбирался в человеческих отношениях и светских уловках, он не умел идти на компромиссы и подлаживаться, из-за чего нажил себе врагов повсюду.

В первую очередь с Чжоу Яфу завязалась вражда с Лиу Ву, царем Лян, родным братом императора Цзин. Когда Чжоу Яфу руководил подавлением восстания семи царств, он перебросил основные силы в район Хэнаня, в то время как объединенные войска У и Чу наносили мощные удары по войскам царя Лян Лю Ву. В тот момент царь Лян обратился к императору Хань Цзинди с просьбой о помощи, и император приказал Чжоу Яфу спешить на помощь. Однако Чжоу Яфу счел, что объединенные войска У и Чу находятся на пике своей мощи, и решил сначала уклониться от их удара и выждать подходящего момента, поэтому он направил только кавалерию, чтобы перерезать линии снабжения союзников, вынудив их беспокоиться о тыле и вынужденно повернуть назад, чтобы сразиться с основными силами ханьской армии. А Чжоу Яфу, отдыхая и набирая силы, одним ударом прорвал оборону объединенных войск У и Чу, нанеся сокрушительное поражение их основным силам и одержав полную победу. Однако этот шаг вызвал сильное недовольство у царя Лян.

Чжоу Яфу заботился только о государстве, а не о себе, что в конечном итоге вызвало ненависть у царя Лян. Поэтому каждый раз, когда царь Лян приезжал ко двору, он искал любую возможность нанести ущерб Чжоу Яфу. Со временем ложь стала правдой, тем более что царь Лян просто неверно интерпретировал факты.

В четвёртом году правления императора Цзин из эпохи Цяньюань (153 г. до н. э.) старший сын Лю Рон был провозглашён наследным принцем, но поскольку его мать, Лю Ци, постепенно теряла благосклонность императора, император Цзин захотел лишить наследного принца титула и назначить на его место сына императрицы Ван — Лю Чэ. Однако в феодальном обществе отстранение старшего сына от престола в пользу младшего, как правило, не допускалось. Чжоу Яфу, только что вступивший в должность канцлера, считал, что наследный

принц не совершил никаких проступков, и что произвольное отстранение и назначение нового наследника приведёт к хаосу. Чжоу Яфу был по натуре прямолинеен и не владел искусством убеждения, поэтому по этому поводу у него возник спор с императором Цзин. Позже император Цзин заявил, что смена наследного принца — это семейное дело, в которое посторонние не должны вмешиваться, и только тогда Чжоу Яфу, не имея иного выхода, сдался. Убеждения Чжоу Яфу не только не убедили императора Цзин, но и заставили его посчитать, что Чжоу Яфу ведет себя слишком дерзко и пренебрежительно по отношению к императору, что вызвало у императора глубокое раздражение.

В 147 году до н. э., то есть в третий год правления императора Цзин из династии Хань, императрица-вдова Ду потребовала, чтобы император Цзин присвоил титул маркиза брату императрицы, Ван Сину. Присвоение титула маркиза родственникам императрицы противоречило уставам предков, и по этому поводу император Цзин обратился к Чжоу Яфу для обсуждения этого вопроса. Как и следовало ожидать, прямолинейный Чжоу Яфу ответил императору Цзин цитатой из слов императора Гаоцзу Лю Бана: «Тот, кто не из рода Лю и становится королём, тот, кто не имеет заслуг и становится маркграфом, будет подвергнут общему осуждению всего мира». Поскольку Чжоу Яфу опирался на классические тексты и его слова были обоснованы, у императора Цзин не было повода для гнева. Но, будучи верховным правителем страны, он потерпел неудачу перед подчинённым, и его предубеждение по отношению к Чжоу Яфу ещё более усилилось. Этот поступок Чжоу Яфу не только лишил его благосклонности императора Цзин, но и настроил против него Ван Сина. Лианский царь и Ван Син поддерживали тесные отношения и оба считали Чжоу Яфу своим врагом. Два самых влиятельных человека в окружении императора объединились, чтобы атаковать Чжоу Яфу с двух сторон — изнутри и снаружи — и вместе подставить его.

Вскоре после этого шесть вождей хунну пришли с капитуляцией. Император Цзин считал это результатом своих достижений в области гражданского и военного управления, был очень доволен и решил пожаловать этим людям титулы маркизов. Однако один из них был потомком перебежчика из династии Хань. Чжоу Яфу считал, что его предки предали Хань и перешли на сторону хунну, а теперь он снова предал хунну и вернулся к Хань, что делает его непостоянным и подлым человеком, которого нельзя назначать маркграфом. Император Цзин, исходя из общего блага, решительно отверг предложение Чжоу Яфу и назначил всех шестерых маркграфами. Чжоу Яфу, неоднократно наталкиваясь на препятствия и не способный избавиться от душевного груза, подал прошение с просьбой уйти в отставку и вернуться в родные места, на что император дал согласие.

Поскольку Чжоу Яфу был знаменитым полководцем своего времени и пользовался большим авторитетом, император Цзин с подозрением относился к нему и часто проверял его различными способами.

Однажды император Цзин под предлогом угощения пищей вызвал Чжоу Яфу во дворец, желая выяснить его истинные намерения. Хотя Чжоу Яфу уже был освобождён от должности, он по-прежнему проживал в столице и, получив вызов, немедленно явился. Войдя во дворец, Чжоу Яфу увидел, что император Цзин сидел там в одиночестве. Выполнив ритуал поклона, он обменялся с императором несколькими словами, после чего император приказал накрыть стол.

Император предложил Чжоу Яфу пообедать вместе, и тот не смог отказаться. Однако за столом не было никого, кроме императора и его подданного, и Чжоу Яфу почувствовал некоторое беспокойство. Когда он подошёл к столу, то обнаружил, что перед ним стоит только один бокал с вином, а палочек нет, а блюдо представляло собой один большой кусок мяса, который было невозможно съесть. Чжоу Яфу посчитал, что император Цзин издевается над ним, и не смог сдержать гнева. Обернувшись, он увидел церемониймейстера и сказал ему: «Пожалуйста, принесите пару палочек!» Церемониймейстер, заранее получивший указание от императора Цзина, притворился глухим и немым и стоял, не шевелясь.

Прямолинейный Чжоу Яфу не задумывался над этим, поскольку он и понятия не имел, что это была уловка императора Цзин. В этот момент император Цзин внезапно вступил в разговор: «Разве это ещё не удовлетворяет твою волю?» Услышав это, Чжоу Яфу почувствовал и стыд, и гнев, был вынужден встать с места, преклонить колени, снять шляпу и извиниться.

Через несколько дней к Чжоу Яфу внезапно пришли и сообщили, что на него подали донос и он должен явиться в двор для очной ставки. Услышав это, Чжоу Яфу сразу понял, что дело плохо, что его час пробил. И действительно, император Цзин, питавший к Чжоу Яфу злобу и ненависть, по незначительному поводу ложно обвинил его в заговоре. Зная, что оправдаться невозможно, Чжоу Яфу мог только глубоко вздохнуть и смириться с судьбой. Император Хань Цзинди послал людей, чтобы доставить Чжоу Яфу в Суд по уголовным делам для допроса. Несмотря на то что расследование не выявило никаких реальных оснований для обвинения, император был полон решимости казнить Чжоу Яфу. Председатель Суда по уголовным делам не мог ничего возразить, но, зная, что император намерен лишить его жизни, был вынужден найти предлог, и поэтому вынес потрясающий приговор: «Даже если ты и не хочешь поднимать мятеж на земле, ты всё равно захочешь поднять его в могиле!»

Если хочется обвинить, то нетрудно найти повод! После того как Чжоу Яфу был заключён в тюрьму, он пять дней не принимал пищи и умер от голода. Такая судьба постигла великого полководца. Чрезмерная прямолинейность, чрезмерная приверженность принципам без учёта ситуации и умения читать настроения окружающих неизбежно задевают чужие больные места и приводят к неловкости в отношениях. Такому человеку трудно выжить в суровых социальных условиях.

4. Откровенность и смелость в высказывании замечаний, отстаивание справедливости и искоренение зла

С древних времён тот, кто смеет высказывать замечания, обязательно рискует навлечь на себя неприятности; таких людей не много, но все они честны и бескорыстны. Одним из величайших советников всех времён можно считать Вэй Чжэна. Если сказать, что Вэй Чжэн осмелился высказывать замечания только потому, что ему посчастливилось служить мудрому правителю Тану Тайцзуну, то как же тогда оценить Би Гана, высказавшего замечания Цзоу? Последний высказывал замечания, хотя и знал, что его повелитель — недалекий и жестокий правитель.

Что означает слово «наставление»? «Наставление» — это увещание, совершение праведных дел и исправление зла. С точки зрения принципов человеческого поведения, «давать советы» и «принимать советы» следует считать добродетелью: в любом случае, прислушиваться к искренним советам других гораздо лучше, чем действовать по-своему. Однако высказывание советов зависит от адресата: если это мудрый правитель, способный принять совет, то всё в порядке; если же это бездарный и жестокий правитель, то в лучшем случае вас лишат должности, а в худшем — ваша семья будет уничтожена. Но у некоторых вельмож, по природе своей, заложена смелость и прямота, и в их глазах ни величие императора, ни его лицо не важнее принципов и законов.

Вэй Чжэн из династии Тан происходил из семьи ученых. Он питал большие амбиции и всегда мечтал совершить великие дела, поэтому усердно занимался чтением и учебой, заложив прочную основу в области знаний и политического таланта. В то время император Сюй Ян из династии Суй вел развратный и незаконный образ жизни, и герои и доблестные люди по всей стране поднимали восстания против династии Суй. Сначала Вэй Чжэн присоединился к повстанческой армии Юань Баоцзана, но затем, почувствовав, что не может ясно оценить общую обстановку в стране, растерялся и, не зная, куда ему деваться, ушел в монастырь, чтобы стать даосом и укрыться от временных беспорядков.

Позже Вэй Чжэн вернулся из уединения и занял небольшую должность при наследном принце Ли Цицзене, управляя библиотекой и классическими текстами; эту должность назы-

вали «сима». На этом этапе Вэй Чжэн, хотя и славился как литератор, на самом деле не играл значительной роли, за исключением одного совета, который он дал Ли Цзицзэну: отправить войска на нападение на беззащитного Лю Хэйда, что позволило бы не только заслужить военные заслуги, и тайно наладить связи с выдающимися деятелями. Наследный принц последовал его совету, и в результате операция увенчалась полным успехом.

После того как династия Ли Тан укрепила свою власть над страной, Ли Шиминь организовал «Переворот у ворот Сюаньву», убил своего старшего брата, наследного принца Ли Цзяньчэна, и младшего брата, принца Цзи Ли Юаньцзи, и сам стал наследным принцем. Ли Шиминь знал, что Вэй Чжэн был не только доверенным лицом Ли Цзяньчэна, но и неординарной личностью, поэтому немедленно вызвал его на аудиенцию. Он упрекнул его: «Почему ты сеял раздор между нами, братьями?» Вэй Чжэн не стал прибегать к ловким словам и уловкам, а ответил, опираясь на здравый смысл: «Каждый служит своему господину. Если бы наследный принц раньше прислушался к моим словам, то не оказался бы в сегодняшнем положении. В чём же моя вина, что я был верен Ли Цзяньчэну? Разве не был Гуань Чжун тем, кто поразил стрелой пряжку пояса Ци Хуангона?»

Ли Шиминь, услышав его откровенные и обоснованные слова, особенно исторический пример о том, как Гуан Чжун выстрелил в поясную застёжку Ци Хуана, не смог проявить нетерпеливость и помиловал его, назначив главным секретарем. Так Вэй Чжэн положил конец своей жизни в изгнании.

Вскоре после вступления на престол Ли Шиминь повысил Вэй Чжэна до должности «дафа» (советника по вопросам государственной политики) — это было действительно заслуженное назначение! Тан Тайцзун умел прислушиваться к мнениям других, что и принесло Вэй Чжэну славу, а Вэй Чжэн, осмеливаясь открыто высказывать прямое замечание, способствовал формированию у Тан Тайцзуна характера, склонного принимать советы. Советы Вэй Чжэна и готовность Тан Тайцзуна их принять вошли в историю, что является уникальным явлением в истории Китая.

Обязанности дафая-цзяньи заключались в том, чтобы специально высказывать императору свои мнения; это была весьма необычная должность: она была одновременно ничтожной и чрезвычайно важной; не обладая ни малейшей властью, она тем не менее имела огромное влияние, и всё зависело от того, прислушается ли император к мнению дафая-цзяньи или нет. Назначение Вэй Чжэна на должность «дафа» было проявлением признания императором Тайцзуном его таланта, а также доверия и уважения к нему лично; позднее он был повышен до должности «шаншу чэн», что позволило ему находиться рядом с императором и постоянно напоминать и давать ему советы.

Что касается стратегии управления государством, Вэй Чжэн выступал за снижение налогов и облегчение барщины, а также за дание народу передышки. Вэй Чжэн считал, что урок, извлечённый из падения династии Суй, заключался в том, что народ подвергался чрезмерным притеснениям: государственные налоги были чрезвычайно высокими, а барщина — многочисленной, в результате чего люди не могли прокормиться. «Спокойствие приносит мир, а движение — беспорядки». Поэтому на протяжении всего периода Чжэньгуан налоги и барщины, взимаемые придворными властями, не были слишком обременительными, что стало одной из основных гарантий социальной стабильности и экономического развития в этот период.

Что касается общей стратегии управления государством, особенно в период наведения порядка после крупных беспорядков, Вэй Чжэн выступал за то, чтобы действовать быстро, а не медленно, решительно, а не нерешительно.

В вопросах правоприменения Вэй Чжэн выступал за мягкость и ясность. Он решительно выступал против применения жестоких наказаний и суровых законов, как это было в династии Цинь, когда народ рассматривался как добыча, которую можно было бесконтрольно эксплуа-

тировать, но в то же время решительно выступал за четкое соблюдение законов и против злоупотребления властью в личных интересах.

Вэй Чжэн также выступал за то, чтобы завоевать доверие народа и не менять указы из дня в день, не давая людям ориентироваться.

Хотя Вэй Чжэн прекрасно понимал, что не следует нарушать авторитет императора, он всё же осмеливался это делать, что было обусловлено его честным и прямолинейным характером. Если говорить о том, что можно давать советы в интересах долгосрочного мира и стабильности в стране, то личная жизнь императора, казалось бы, должна оставаться частным делом. Однако в глазах Вэй Чжэна каждое действие императора влияло на безопасность государства и судьбу народа, поэтому его советы затрагивали самые разные сферы.

Что касается использования талантов, Вэй Чжэн выступал за то, чтобы в разные периоды делать выбор между добродетелью и талантом. Он сказал Тайцзуну: «Когда страна ещё не умиротворена, критерием при назначении на должность должно быть превосходство таланта, и не следует уделять чрезмерного внимания нравственности и поведению; после умиротворения страны нельзя назначать никого, кто не обладает и добродетелью, и талантом».» Под влиянием Вэй Чжэна Тайцзун «при назначении на должности внутри двора не избегал родственников, а при назначении снаружи — не избегал врагов»; однажды он даже сам обратился к Вэй Чжэну со словами: «К выбору и назначению чиновников нельзя относиться легкомысленно и небрежно. Назначь одного добродетельного человека — и добродетельные люди потянутся к тебе; назначь одного недобродетельного — и недобродетельные люди начнут пробиваться и стекаться к тебе».

Особенно в вопросах личных удовольствий Вэй Чжэн неукоснительно следил за Тайцзуном и часто, не боясь высказывать прямое замечание, не позволял ему начинать масштабные строительные работы. Однажды Тайцзун хотел отправиться на охоту в Южные горы: повозки и лошади были уже готовы, но в конце концов он всё же не осмелился поехать. Вэй Чжэн спросил его, почему он не выехал. Тайцзун ответил: «Сначала я действительно хотел пойти на охоту, но, опасаясь твоего упрека, не осмелился выехать.»

В двенадцатом году эры Чжэньгуан (638 г.) вельможи и министры единодушно просили императора Тайцзуна взойти на гору Тайшань для проведения церемонии «фэнчэнь», но только Вэй Чжэн считал, что проводить эту церемонию в настоящее время нецелесообразно. Император Тайцзун сказал Вэй Чжэну: «Я хочу, чтобы вы высказали всё, что думаете. Неужели мои заслуги недостаточны? Неужели моя добродетель недостаточно глубока? Неужели страна ещё не умиротворена? Неужели отдаленные племена не восхищаются высокими принципами Великой Тан? Неужели благоприятные знамения ещё не явились? Неужели в сельском хозяйстве нет урожая? Почему же я не могу совершить ритуал «фэн-чань» на горе Тайшань?»

Вэй Чжэн ответил: «Хотя заслуги Вашего Величества и чрезвычайно велики, народ ещё не ощутил Ваших милостей; хотя Ваша добродетель и глубока, Ваша праведная политика ещё не распространилась по всей стране; хотя в стране и царит покой, но она не может предоставить достаточных средств для осуществления великих дел; отдаленные племена восхищаются высокой добродетелью Вашего Величества, но при дворе нет возможности удовлетворить их просьбы; хотя и появились благоприятные знамения, но сеть закона по-прежнему плотна; хотя уже несколько лет подряд урожай в сельском хозяйстве был обильным, но зернохранилища по-прежнему пусты — вот почему я считаю, что в настоящее время не следует проводить церемонию Фэн-чэнь. Я не могу привести пример из далекого прошлого, поэтому воспользуюсь аналогией с человеком. Представьте себе человека, страдающего тяжелой болезнью в течение десяти лет; когда он уже близок к выздоровлению, он настолько истощен, что на костях осталась лишь кожа. Если сразу заставить его нести на плечах один ши риса и ежедневно проходить сто ли, он, безусловно, не сможет этого сделать. В династии Суй в стране царил хаос уже более десяти лет. Ваше Величество навел порядок по всей стране; хотя сейчас в стране уже воца-

рился мир, государственная казна все еще не наполнена. В таких условиях я тайне сомневаюсь в целесообразности того, чтобы сообщать Небу и Земле о том, что дело уже завершено. К тому же, если Ваше Величество отправится на восток для проведения церемонии Фэн на горе Тайшань, туда соберутся послы из всех стран, и жители соседних государств не перестанут передавать эту весть друг другу. В настоящее время территория простирается на запад от бассейнов рек И и Ло, а на восток — до горы Тайшань, Восточного моря, пустынных берегов и болот; это бескрайние просторы протяженностью в тысячу ли, где нет ни души, не слышно ни кукареканья петухов, ни лая собак, дороги заброшены, а путешествие по ним сопряжено с большими трудностями. Разве можно привлекать сюда представителей соседних племен и демонстрировать им слабость нашей страны? Даже если мы израсходуем все наши богатства на награды для них, это не сможет удовлетворить желания людей из дальних стран; даже если мы освободим народ от подневольного труда на два года подряд, это не сможет компенсировать их тяготы. Если же произойдут наводнения или засухи, бури и ураганы, и подневольные рабочие начнут высказывать недовольство, то даже если мы пожалеем об этом, ущерб уже будет непоправим. Разве только я один умоляю Ваше Величество отказаться от церемонии Фэн-чань? Тысячи и тысячи простолюдинов умоляют Ваше Величество дать свое благоволение». Услышав слова Вэй Чжэна, Тайцзун глубоко осознал, что, хотя в стране и наступило первоначальное спокойствие, производство еще далеко не восстановилось, а государственная казна по-прежнему пуста. В такой тяжелой ситуации какими заслугами можно утешить Небо и Землю? Поэтому он отложил проведение церемонии «фэнчэнь» на горе Тайшань.

Наиболее известна полемика Вэй Чжэна о «верном министре» и «добросовестном министре». Однажды Тайцзун, поверив клевете других, упрекнул Вэй Чжэна в том, что тот покрывает своих родственников, но после спора с Вэй Чжэном Тайцзун понял, что был неправ. Вэй Чжэн воспользовался случаем и сказал: «Я надеюсь, что Ваше Величество позволит мне быть добросовестным министром, а не верным министром». Услышав это, император Тайцзун был очень удивлен и спросил: «Разве есть какая-то разница между добросовестным и верным министром?» Вэй Чжэн ответил: «Разница огромна. Добросовестный министр пользуется доброй славой. Правитель также обретает хорошую репутацию, которая передаётся из поколения в поколение и сохраняется на веки; верный же министр, навлекая на себя гнев, погибает, а правитель получает дурную славу недалекого и бездарного правителя, государство рушится, семья гибнет, а верный министр получает лишь пустое имя». Услышав это, Тайцзун был глубоко тронут; он неоднократно хвалил Вэй Чжэна за то, что тот прав, и подарил ему пятьсот кусков прекрасного шелка.

Конечно, Тайцзун из династии Тан был человеком, а не богом, и не всегда с радостью принимал наставления Вэй Чжэна; порой он испытывал к нему и ненависть, и страх, и даже подумывал просто убить его! Однажды Тайцзун из династии Тан получил прекрасного ястреба, который ему очень понравился, и, посадив его на руку, играл с ним. Увидев издали приближающегося Вэй Чжэна, он сильно занервничал и поспешно спрятал сокола в груди, боясь, что Вэй Чжэн его увидит или услышит. На самом деле Вэй Чжэн уже давно всё заметил: чтобы не дать Тайцзуну погрязнуть в роскоши и развлечениях, он намеренно бесконечно докладывал о государственных делах и ушёл только тогда, когда сокол, по его оценке, уже почти задохнулся. Когда Вэй Чжэн ушёл, император Тайцзун поспешно достал ястреба из-под одежды, поднял его и увидел, что тот уже задохнулся. Это вызвало у него сильное раздражение, которое он не мог выразить словами.

Вэй Чжэн был стар и тяжело болен; Тайцзун посылал к нему врачей и лекарства, и посыльные следовали друг за другом по дорогам, не переставая приходить и уходить; он также вместе с наследным принцем посещал его дом, чтобы навестить больного, и обещал выдать замуж за его сына Вэй Шую принцессу Хэншань. После смерти Вэй Чжэна Тайцзун приказал всем чиновникам девятого ранга и выше прийти на похороны, а надгробная речь была высечена на

камне. Тайцзун без конца тосковал по нему и произнес перед своими ближайшими министрами следующие знаменитые слова: «Человек использует медь в качестве зеркала, чтобы привести в порядок одежду и головной убор; использует древность в качестве зеркала, чтобы увидеть взлеты и падения; использует людей в качестве зеркала, чтобы понять свои успехи и неудачи; с кончиной Вэй Чжэна я лишился одного из своих зеркал!» Это, пожалуй, было величайшим признанием, которое когда-либо получал министр за всю историю!

Говорят: «Верный министр не служит двум господам, а хорошая женщина не выходит замуж за двух мужей». С этой точки зрения Вэй Чжэн, естественно, не был «верным министром», однако он остался великим министром на все времена! Ведь в его сердце жил один принцип: заботиться о благополучии государя и страны, а также помогать простому народу. Его честный и принципиальный характер позволил ему проявить «великую верность», а не «мелкую обиду». Мэн-цзы говорил: «Слышал, что казнили одного человека — Цзоу, но не слышал, чтобы кто-то убил своего правителя». То есть верность государству — это не верность правителю, а верность народу — это не верность отдельному человеку. Верность Вэй Чжэна действительно была обусловлена его характером!

Глава 2. Как вести себя людям с тонким и проницательным характером

Люди с таким характером, как правило, обладают чрезвычайно богатым воображением, творческим мышлением и острой проницательностью. Их способность адаптироваться к изменениям превосходит обычные возможности, они умеют улавливать мимолетные возможности, обладают упорством, позволяющим не сдаваться, пока цель не достигнута, и в конечном итоге одерживают победу в конкурентной борьбе. Поэтому в поведении они часто демонстрируют стабильность и зрелость. Они уравновешенны и жизнерадостны, имеют относительно открытый характер, умеют смотреть в глаза реальности и обладают высокой выносливостью. В поступках и речах они проявляют осторожность, тщательно обдумывают ситуацию и действуют только после тщательного размышления; они часто сначала думают о других, а потом о себе, умеют и наступать, и обороняться, всегда стремясь к совершенству. Такие люди отличаются высоким чувством ответственности и проницательностью в делах; если поручить им важное дело, можно быть уверенным, что оно будет выполнено безупречно.

Конечно, у любого типа характера есть как недостатки, так и достоинства, и люди с тонким и проницательным умом не являются исключением. Они слишком осторожны, долго обдумывают каждый шаг, не решаются рисковать и из-за этого легко упускают много возможностей. Такие люди чрезмерно насторожены, не доверяют окружающим, относятся к ним с подозрением; они либо стремятся всё делать самостоятельно, либо подвержены ревностям, из-за чего легко замыкаются в себе.

1. Идеальный человек не может достичь идеальных результатов

Чжугэ Лян — личность, известная на всей территории Китая от мала до велика. Он разбирался в астрономии и географии, был хорошо образован, обладал необыкновенной изобретательностью, а также отличался великодушием и добротой, что в конечном итоге помогло Лю Бэю основать государство Шу и разделить мир на три части. Чжугэ Лян, без сомнения, является воплощением мудрости, и именно его способность предвидеть будущее по мельчайшим признакам, а также его тонкий и проницательный характер сформировали его легендарную жизнь.

В конце эпохи Восточной Хань между феодалами шли ожесточенные войны. Чжугэ Лян уединился в местечке под названием Лунчжун, расположенном более чем в двадцати ли к западу от города Сяньян. Как гласит пословица: «Учёный не выходит из дома, но знает о делах всего мира». В Лунчжуне он усердно изучал конфуцианские классические тексты и исторические труды предыдущих династий, а также широко знакомился с трудами сто школ философии. Читая, он «вникал в общую суть», уделяя особое внимание обобщению опыта и уроков, извлечённых из взлётов и падений, успехов и неудач династий прошлых веков, в поисках эффективных методов управления государством и народом. Таким образом, он сформировал собственные политические взгляды и, внимательно следя за развитием ситуации в стране, выработал свои политические устремления. В перерывах между чтением и изучением Чжугэ Лян не забывал о саморекламе, ведь он питал великие амбиции и мечтал о великих делах. Поэтому за десять лет «уединения» в Лунчжуне он, то через дружеские связи, то через родственников, наладил отношения с влиятельными семьями в окрестностях Сяньяна. В особенности тесные контакты с различными выдающимися учеными обогатили его знания, расширили политическое влияние и постепенно сделали его известной фигурой среди ученых-элиты региона Цзинчжоу.

Потомок династии Хань Лю Бэй всем сердцем стремился совершить великие дела в эти смутные времена и для этого повсюду искал талантливых людей. В это время известный ученый

из Инчуаня Сюй Шу порекомендовал ему Чжугэ Ляна. Лю Бэй был старше Чжугэ Ляна на 20 лет, но, веря в то, что Чжугэ Лян — выдающийся талант, он лично отправился в Лунчжун в сопровождении Гуань Юя и Чжан Фэя, чтобы пригласить Чжугэ Ляна выйти из уединения.

Узнав о предстоящем визите Лю Бэя, Чжугэ Лян намеренно скрылся, чтобы проверить решимость и искренность Лю Бэя. Придя в первый раз, Лю Бэй застал пустоту; во второй раз он также не застал никого. Гуань Юй и Чжан Фэй уже начали терять терпение, но Лю Бэй помнил слова Сюй Шу: «Нужно искренне и с честными намерениями пригласить Чжугэ Ляна». В том же месяце он отправился туда в третий раз, и Чжугэ Лян, наконец, был тронут искренностью Лю Бэя и вышел, чтобы принять его в своей хижине.

Лю Бэй оставил Гуань Юя и Чжан Фэя снаружи, а сам остался в доме беседовать с Чжугэ Ляном. Лю Бэй сказал: «Сейчас династия Хань пришла в упадок, и власть перешла в руки влиятельных вельмож. Я осознаю свою некомпетентность, но очень хочу стабилизировать положение династии Хань, однако не знаю, как это сделать. Прошу вас, господин, дать мне совет».

Увидев такую скромность Лю Бэя, Чжугэ Лян посчитал его человеком, на которого можно положиться и с которым можно сотрудничать, и изложил ему все свои многолетние оценки сложившейся обстановки, а также стратегические планы, разработанные специально для Лю Бэя. Он сказал: «В настоящее время на севере Цао Цао уже одержал победу над Юань Шао, располагает миллионной армией и, используя императора в качестве заложника, управляет феодалами. Генерал не может соперничать с ним силой оружия. Сунь Цюань занимает Юго-Восточный берег Янцзы; его отец, отец его отца и брат уже три поколения управляют там. У него есть естественная защита в виде реки Янцзы, а также поддержка влиятельных семей и ученых Юго-Восточного берега. Генералу не остаётся ничего другого, как объединиться с ним».

Затем Чжугэ Лян проанализировал обстановку в Цзинчжоу и Ичжоу, указав, что Цзинчжоу занимает ключевое положение и имеет важное стратегическое значение, но Лю Бэю не в силах удержать его, а Ичжоу — это плодородные земли протяжённостью в тысячи ли, известные как «страна небесного изобилия». Если Лю Бэй сможет захватить Цзинчжоу и Ичжоу, наладить внутреннее управление и объединиться с Сунь Цюанем, он окажется в положении, где ему не грозит поражение. Как только представится возможность, он сможет выступить двумя фронтами — из Цзинчжоу и Ичжоу — и начать поход на Центральную равнину.

Тщательный анализ и дальновидность Чжугэ Ляна пролили свет на ситуацию и вызвали у Лю Бэя глубокое восхищение, а сам Чжугэ Лян был покорен величием и широтой взглядов Лю Бэя; с тех пор он вышел из уединения, чтобы помочь Лю Бэю восстановить династию Хань.

После битвы при Гуанду Цао Цао объединил Север и захотел поглотить Цзинчжоу и Цзяндун. Чжугэ Лян отправился с дипломатической миссией в Цзяндун, чтобы обсудить важные планы с Сунь Цюанем.

Чжугэ Лян дал Сунь Цюаню исчерпывающий анализ положения дел у противника и у нас, указав на непреодолимые слабые места войск Цао, а также на основные условия, при которых объединённые силы Сунь и Лю обязательно одержат победу. Это укрепило решимость Сунь Цюаня объединиться с Лю Бэем против Цао, и Сунь Цюань назначил Чжоу Юй верховным командующим, чтобы тот соединился с флотом Лю Бэя и вместе с ним противостоял войскам Цао.

Солдаты армии Цао в большинстве своём были выходцами с Севера и не привыкли к волнам и качке на воде, из-за чего страдали от морской болезни и рвоты. Армия Цао соединила корабли железными цепями, уложила на них доски и сформировала «корабли-цепочки». В этот момент и Чжугэ Лян, и Чжоу Юй пришли к мысли о применении огненного нападения. Один из подчинённых Чжоу Юя, Хуан Гай, притворился, что сдаётся Цао, но на его корабле было загружено сухим тростником, облитым маслом; на расстоянии примерно двух ли от войск Цао он поджёг его. В тот момент дул сильный юго-восточный ветер, который раздувал огонь,

а огонь, в свою очередь, усиливал ветер, и эта колонна огненных кораблей мгновенно устремилась на войска Цао. Потери в рядах войск Цао были неисчислимы, и Цао Цао с остатками войска в панике бежал, спасая свою жизнь.

Лю Бэй сражался с Юань Шу в Сяцю и захватил Юйчжоу, Сюйчжоу, а также земли Шу, после чего занял весь Ичжоу. Впоследствии Лю Бэй завоевал Ханьчжун. В 221 году нашей эры Лю Бэй в Чэнду вступил на императорский престол, и было официально основано государство Шу-Хань.

После того как Сунь Цюань захватил Цзинчжоу и казнил Гуань Юя, Лю Бэй, желая отомстить, решил выступить с войском против Восточного У. Чжугэ Лян неоднократно отговаривал Лю Бэя от похода на У, советуя объединиться с Восточным У для совместной борьбы с Цао, но Лю Бэй не прислушался к его советам. Лю Бэй оставил Чжугэ Ляна охранять Чэнду и помогать наследнику престола, а сам лично возглавил войско. Лю Бэй потерпел поражение, что привело к постепенному упадку власти Шу-Ханя.

После поражения Лю Бэй вернулся в город Байди, где тяжело заболел и, не вставая с постели, срочно вызвал Чжугэ Ляна в Байди, чтобы поручить ему дела после своей смерти.

Управляющий провинцией Цзянцзя Хуан Юань, опасаясь, что Чжугэ Лян, который его не любил, обретет большую власть и это обернется против него, возглавил восстание своих войск; впоследствии повстанческие войска Хуан Юаня были разгромлены.

Влиятельный магнат из Ичжоу Юн Янь подстрекнул вождей национальных меньшинств, в том числе Мэн Хо, и многих других, поднять восстание. В начале восстания их силы были несильны, но Юн Янь постоянно распространял среди вождей национальных меньшинств слухи, сея раздор. Таким образом, после нескольких лет угроз и подстрекательств со стороны Юн Яня повстанческие отряды постепенно распространились по всей территории Наньчжун, и лишь несколько округов остались под властью правительства Шу-Ханя.

Проницательный Чжугэ Лиан понимал, что одной лишь силой оружия невозможно завоевать сердца людей, поэтому, руководствуясь установленной политикой («умиротворить южных варваров, стабилизировать тыл»), он постоянно применял политику умиротворения в отношении восстания в Наньчжуне, но не смог добиться ожидаемого результата. Чтобы как можно скорее подавить восстание в Наньчжуне и обеспечить больше людских и материальных ресурсов для наступления на Цао Вэй, Чжугэ Лян установил дружеские отношения с У и разорвал связи между Юнъянем и Восточным У.

Два года спустя Чжугэ Лян решил возглавить армию для подавления восстания в Наньчжуне. На этот раз он применил эффективную стратегию: три армейских колонны — правая, центральная и левая — двинулись на юг, направляясь к Юнъяню.

Сначала Чжугэ Лян атаковал войска царя ийцев Гао Дина в районе реки Би. Вскоре войска Гао Дина были разгромлены, а сам Гао Дин убит. Затем три армии впервые вступили в сражение с Мэн Хо в Паньдуне.

Мэн Хо был известен в тех краях своей храбростью и боевым мастерством и пользовался большой поддержкой народа. Чтобы завоевать его полное уважение и убедить его в своей правоте, Чжугэ Лян приказал войскам взять Мэн Хо в плен живым. После пленения Мэн Хо был поставлен перед боевым порядком Шу. Увидев его, Мэн Хо не смог смириться с поражением и сказал Чжугэ Ляну: «Раньше я не знал твоих сильных и слабых сторон, поэтому попался на уловку и потерпел поражение. Теперь, благодаря твоей милости, я увидел твой боевой порядок — он не так уж и великолепен. Если бы мы снова сразились, я обязательно победил бы тебя».

Чжугэ Лян отпустил Мэн Хо, позволив ему перегруппировать войска и вновь вступить в сражение. В результате после семи сражений, в которых Чжугэ Лян семь раз отпускал Мэн Хо и семь раз снова захватывал его, когда в последний раз он собирался отпустить его, Мэн Хо

наконец признал своё поражение. После этого Чжугэ Лян возглавил войска, вторгся в район озера Дяньчи и pacified the Nanzhong region.

Чжугэ Лян предоставил ийцам полную автономию, что ещё больше укрепило их искреннюю преданность. С тех пор в регионе Наньчжун воцарился мир, и при завоевании Центральной равнины на севере у него больше не было опасений за тыл.

В 226 году нашей эры император Вэй Вэнь умер от болезни, и на престол вступил его сын Цао Жуй. Чжугэ Лян счёл, что настал подходящий момент для северного похода. Поэтому он возглавил войска и развёрнул их в Ханьчжоне; перед отправлением он передал императору Лю Чану меморандум «Прошение о выступлении войск», в котором изложил условия похода и выразил решимость завоевать Центральную равнину и восстановить династию Хань.

В 228 году нашей эры Чжугэ Лян обсуждал стратегию наступления в Наньчжэн и принял решение «мирно захватить Лунси», а затем продвинуться в Гуаньчжун. Таким образом, отряд под командованием Чжао Юня занял позиции в Цзигу, чтобы отвлечь войска Вэй, а сам Чжугэ Лян возглавил основные силы, выступил на северо-запад через Цишань и захватил Лунси. Под неожиданным и непреклонным натиском войск Шу три округа Лунси — Наньань, Тяньшуй и Аньдин — были один за другим взяты, а вейский полководец Цзян Вэй также явился к армии Чжугэ Ляна и сдался.

Однако даже у «тысячемильного коня» бывают осечки: когда войска Цао стремительно продвигались к Цзетин, Чжугэ Лян допустил роковую ошибку — он поручил защиту этого стратегически важного перевалка Ма Су, военному советнику, который преувеличивал свои способности. Ма Су не только не последовал указаниям Чжугэ Ляна, но и проигнорировал неоднократные предостережения своего заместителя Ван Пина, оставив город без защиты и устремившись в горы, оставив водоисточники. По прибытии войска Цао немедленно окружили шуйскую армию на горе, сначала перерезав водоснабжение, а затем начав атаку. Ма Су потерпел сокрушительное поражение, и остатки его войска отступили в лагерь на горе Цишань.

Потеря Цзетина подорвала боевой дух шуйских войск, лишив основные силы «опоры для продвижения»; возможность продолжить завоевание Лунси была упущена, и Чжугэ Лян, оценив ситуацию, отступил в Ханьцзюнь.

В ноябре Чжугэ Лян узнал, что сотысячная армия Вэй была разгромлена Восточным Ву, и что войска из Гуаньцзона были переброшены на восток для борьбы с Ву, в результате чего Гуаньцзюнь остался без защиты. Чжугэ Лян посчитал, что момент снова настал, и решил выступить во второй раз. Чжугэ Лян быстро собрал несколько десятков тысяч солдат и вышел из Саньгуаня, чтобы осадить Чэньцан. Но судьбе не противиться: войска Вэй были уже готовы. Несмотря на более чем двадцатидневную ожесточённую атаку, шуйская армия так и не смогла взять Чэньцан, а когда на помощь войскам Цао прибыли подкрепления, Чжугэ Лян был вынужден отдать приказ об отступлении.

Весной следующего года Чжугэ Лян в третий раз выступил с северным походом. Он применил тактику постепенного продвижения с близких дистанций. Войска Шу вышли из прохода Янпин и захватили два округа — Уду и Иньпин; оба округа были быстро взяты и стали частью территории Шу.

Год спустя Чжугэ Лян в четвёртый раз выступил из Цишаня во главе большой армии. Чжугэ Лян возглавил отряд, в состав которого входил Вэй Янь, для сражения с Сыма И. Сыма И, зная о слабости шуйской армии, заключавшейся в трудностях с транспортировкой продовольствия и невозможности длительного пребывания на поле боя, укрепился на труднодоступных высотах, упорно отказывался вступать в сражение и вступил в затяжное противостояние. Спустя несколько месяцев запасы продовольствия у шуйской армии почти иссякли, и ей пришлось отступить в Ханьчжун.

Чжугэ Лян извлек уроки из четырёх предыдущих поражений и глубоко осознал, что «продовольствие — самое важное для армии», поэтому планомерно сосредоточил войска

в уезде Хуанша для передышки. На основе «деревянного быка» он изобрел «текущую лошадь» (четырёхколёсную телегу, приводимую в движение силой людей) для перевозки продовольствия. В 234 году нашей эры Чжугэ Лян возглавил сотысячное войско и в пятый раз выступил в поход, договорившись с Сунь Цюанем о одновременном наступлении на Вэй.

Чжугэ Лян разместил войска в Учжанюане на южном берегу реки Вэй, с одной стороны удерживая позиции против войск Вэй, а с другой — распределяя войска по местности для ведения земледелия, ожидая действий Восточного Ву. В мае Сунь Цюань возглавил сотысячное войско для нападения на Вэй, но не смог одержать победу и вскоре отвёл войска.

Сыма И и Чжугэ Лян находились в противостоянии более ста дней, но так и не вступили в сражение. Чжугэ Лян однажды послал Сыма И комплект женской одежды, чтобы унижить и разозлить его, но Сыма И по-прежнему не предпринимал никаких действий. Узнав, что Чжугэ Лян трудится день и ночь, лично занимается каждым делом, мало ест и перегружен работой, Сыма И пришёл к выводу, что Чжугэ Ляну осталось жить недолго, и ещё более твёрдо придерживался линии поведения, направленной на избежание решающего сражения. В августе Чжугэ Лян, измученный переутомлением, тяжело заболел и вскоре скончался в военном лагере у Учжанюань.

На протяжении всей своей жизни Чжугэ Лян отличался исключительной мудростью, тщательностью и осторожностью, а также заботой о стране и народе, преданностью и отвагой; он внес неоценимый вклад в достижение успехов Лю Бэя. Многие из его гениальных стратегий и планов стали предметом восхищения. Однако его чрезмерная осторожность и тщательность лишили его немало числа ценных возможностей; из-за этой осторожности и тщательности он лично занимался каждым делом, независимо от важности дела, что привело к накоплению усталости и болезни, и он, испытывая глубокое сожаление, преждевременно покинул этот мир. По этому поводу Ду Фу однажды написал стихотворение, в котором сетовал: «Поход не завершился победой, а он умер раньше времени, и это навеки наполняет грудь героев слёзами».

2. Осторожность на протяжении всей жизни как средство избежать бедствий на государственной службе

Лю Бовен всю жизнь отличался мудростью и изобретательностью, владел как военным, так и гражданским искусством, разбирался в астрономии и географии, предсказывал события с божественной точностью, и в народе на протяжении многих лет его считали личностью, сравнимой с Чжугэ Ляном.

Настоящее имя Лю Бовена — Лю Цзи, но он был известен в своё время под именем Лю Бовена, которое и вошло в историю. В конце эпохи династии Юань он оставил должность и вернулся в родные места.

Однако уединение не было его истинным призванием. В то время, когда Лю Бовен жил в уединении, крестьянские восстания в большей части Китая разгорались, как огонь, разлетевшийся по степи. Находясь в горах и лесах, Лю Бовен душой был с всей страной; он внимательно следил за развитием и изменениями ситуации. В этот период он проанализировал сложившееся положение дел и приписал причины всеобщего беспорядка в стране некомпетентности и коррупции правителей династии Юань. Он также сравнивал себя с Сяо Хэ и Чжан Ляном, жившими в эпоху перехода от династии Цинь к династии Хань, и надеялся, что сможет «подавлять сильных и поддерживать слабых», чтобы создать «дело мирного процветания».

После восстания «Красных полотенец» правительство династии Юань оказалось на грани краха. Воспользовавшись тем, что основные силы «Красных полотенец» вели ожесточённые бои с основными войсками Юань на севере, Чжу Юаньчжан возглавил отряд, переправился через реку Янцзы и двинулся на юг, напрямую угрожая восточной части провинции Чжэцзян. Лиу Бовен, хорошо разбиравшийся в военном деле, воспользовался ситуацией и собрал отряд местных ополченцев. Сначала он стремился обеспечить собственную безопасность, а уже на этой основе планировал дальнейшее развитие. Однако, в конце концов, его силы были слиш-

ком слабы, чтобы соперничать с могущественным и неудержимым Чжу Юаньчжаном, и ему пришлось укрыться в глубине гор.

Чжу Юаньчжан был полон амбиций и мечтал стать вторым Лю Баном. Чтобы осуществить своё великое дело, он уделял большое внимание привлечению талантов, особенно высоко ценил известных учёных со всех концов страны. К тому времени имя Лю Бовена уже разнеслось по всему Восточному Чжэцзу и стало известно каждому, и Чжу Юаньчжан горячо желал, чтобы Лю Бовен пошёл на службу к нему.

Чжу Юаньчжан послал людей с подарками в горы Цинтянь, чтобы пригласить Лю Бовена. В то время Лю Бовэн не знал Чжу Юаньчжана, а его местное ополчение ранее вступало в схватку с войсками Чжу Юаньчжана; он не хотел опрометчиво спускаться с горы, но и не желал настраивать против себя Чжу Юаньчжана, располагавшего значительными войсками. Именно в этот момент проявились его характерные черты — тонкость ума, проницательность и осторожность в поступках. Поэтому он радушно принял пришлых, но вежливо отказал Чжу Юаньчжану. Посланцы вернулись и доложили об этом Чжу Юаньчжану.

Чжу Юаньчжан знал, что Лю Бовен обладает как военным, так и политическим талантом, и не хотел терять его. Он осознал, что Лю Бовен ещё не знаком ни с ним самим, ни с его войсками. Он немедленно направил указ Ху Дахайю, командовавшему боевыми действиями в Восточном Чжэцзе, с указанием доброжелательно относиться к выдающимся учёным Восточного Чжэцзе и завоевывать их расположение. Затем Чжу Юаньчжан поручил посланнику отправиться ещё раз, чтобы пригласить Лю Бовена к совместному осуществлению великих замыслов.

Посланник вновь прибыл в горы Цинтянь и сказал Лю Бовэну: «Наш маршал жаждет талантов и давно слышал о вашем великом имени. Поэтому он вновь послал меня, чтобы пригласить вас спуститься с горы и вместе построить великое дело».

Лю Бовен по-прежнему не осмеливался дать согласие и ответил: «Я — человек из гор, по натуре ленивый. К тому же мне уже исполнилось пятьдесят лет — возраст, когда человек познает волю Неба, — и я больше ни о чём не прошу, только надеюсь прожить ещё несколько лет в покое. Кроме того, многие легенды обо мне — чистый вымысел. Я не обладаю достаточным талантом и знаниями, чтобы взять на себя такую тяжёлую ношу. Пожалуйста, передайте маршалу мою благодарность от моего имени!»

Посланник не хотел уходить и пробыл на горе несколько дней; увидев, что Лю Бовен по-прежнему не меняет своего решения, он наконец уехал. Не осмеливаясь вернуться и явиться напрямую к Чжу Юаньчжану, он отправился в Чучжоу к Ху Дахайю. Ху Дахай, услышав об этом, пришёл в ярость и сказал: «Есть ещё такие, кто, не приняв добровольное предложение, вынужден принимать наказание. Я пошлю войска, чтобы схватить его».

Посланник изложил Ху Дахай волю Чжу Юаньчжана. Ху Дахай с грустью заметил: «Мы, военачальники, прошедшие через огонь и воду, уступаем этим старым ученым». Ху Дахай снова послал своего заместителя, чтобы тот в третий раз попросил Лю Бовена спуститься с горы.

Через несколько дней заместитель генерала вернулся и сказал: «Как только я пришёл, он зажал мне рот, сказав, что построил на горе несколько соломенных хижин, распахал несколько му у бедной земли и уже готов дожить свой век в горах и лесах».

В этот момент только что вступивший в должность генерал Чучжоу Сунь Янь вызвался написать письмо Лю Бовэну, утверждая, что обязательно сможет убедить его спуститься с горы. Ху Дахай послал человека доставить письмо, и таким образом они в четвёртый раз обратились к Лю Бовэну с просьбой выйти из уединения.

В письме Сунь Янь сначала прибег к угрозам в адрес Лю Бовена. Он написал, что армия маршала уже у его границ, и если тот не захочет спуститься с горы, это будет означать, что он становится врагом Чжу Юаньчжана, а в результате все погибнут без исключения. Затем он

перешёл к обещаниям, вновь подтвердив обещание маршала: прошлого не будет зачтено, а приходить и уходить можно свободно. Если он останется, маршал возложит на него важную миссию; если уйдет, то, уходя, он сможет спасти жизнь своей семье, а оставаясь — насладиться славой и богатством. Чего же еще желать? Увидев, что ситуация такова, что не выйти — значит погибнуть, да и сам он хотел проявить себя, Лю Бовен решил выйти из уединения.

В двадцатом году эпохи Чжичжэн Лю Бовен в сопровождении посланников прибыл в Интянь, где Чжу Юаньчжан немедленно принял его. Чжу Юаньчжан проявил к нему искреннюю и сердечную гостеприимность, что глубоко тронуло Лю Бовена. Он почувствовал, что, хотя Чжу Юаньчжан и происходил из простого народа, он обладал великими амбициями и был мудрым правителем, за которым стоило следовать.

Впоследствии он преподнес Чжу Юаньчжану свои восемнадцать тщательно обдуманных стратегий по управлению страной и установлению мира во всем мире. Лю Бовен подробно проанализировал обстановку в стране и предложил целый комплекс мер.

С тех пор Чжу Юаньчжан стал относиться к нему с ещё большим уважением: он поручил построить специально для Лю Бовена резиденцию в Интяне, назвав её «Лисяньгуань». Он всегда обращался к нему с почётным титулом «старый господин» и сравнивал его с Чжан Лианом из Чу-Ханьской войны.

Лю Бовен по праву считался гением своего времени. Он обладал обширными знаниями, смелостью и проницательностью. Став участником секретных совещаний, он неоднократно предлагал гениальные стратегии и вскоре стал ключевой фигурой в кругу советников Чжу Юаньчжана, внося огромный вклад в процесс основания династии Мин.

После основания династии Мин Лю Бовену была возложена важная обязанность — должность главного императорского инспектора, ответственного за надзор за чиновниками и управление судебной системой.

С момента вступления на престол подозрительность Чжу Юаньчжана все больше усиливалась. Обладая необычайной энергией и сильной жадой власти, он не мог терпеть ни малейшего пренебрежения к императорской власти. Чжу Юаньчжан считал, что канцлер Ли Шаньчан, опираясь на свои заслуги, стал высокомерным, и хотел сделать его козлом отпущения, поэтому обратился за советом к Лю Бовэну.

Лю Бовен ответил: «Ли Шаньчан — заслуженный деятель, внесший вклад в основание государства, к тому же он умеет налаживать межличностные отношения».

Чжу Юаньчжан спросил: «Он несколько раз пытался навредить тебе, а ты всё равно заступаешься за него?»

Лю Бовен ответил: «Между нами личные отношения. Смена канцлера — это как замена столба в доме: сначала нужно найти новый столб, а уже потом менять старый. Но в настоящее время никто не может заменить его, поэтому менять его не следует».

Чжу Юаньчжан спросил его: «Разве Ян Сянь, Ван Гуансян и Ху Вэйюн не являются опорой государства?»

Лю Бовэнь ответил: «Ян Сянь, хотя и обладает талантом канцлера, не обладает широтой взглядов. Люди часто говорят: „В животе канцлера можно плавать на лодке“, но он на это не способен».

Чжу Юаньчжан спросил ещё: «А как насчёт Ван Гуансяна?»

Лю Бовэнь ответил: «У Ван Гуансяна узкий кругозор, и в этом он не уступает Ян Сяню, а может, даже превосходит его».

Чжу Юаньчжан продолжил: «А как насчёт Ху Вэйюна?»

Лю Бовен сказал: «Быть канцлером — все равно что быть кучером, везущим императора. Боюсь, что Ху Вэйюн не только не сможет правильно управлять колесницей, но и повредит её».

Чжу Юаньчжан снова сказал: «Тогда пусть старый господин сам возьмёт на себя эту должность!»

Лю Бовен искренне ответил: «Ваш подданный имеет горячий нрав, вспыльчив и слаб здоровьем; я не в состоянии взять на себя тяжёлую ношу канцлера и не обладаю необходимыми для этой должности качествами. Прошу Императора не беспокоиться — талантливые люди обязательно найдутся».

Из этой беседы Лю Бовен понял, что Чжу Юаньчжан не только не доверяет канцлеру Ли Шаньчану, но и с осторожностью относится ко многим другим заслуженным министрам, включая его самого. Лю Бовен хорошо знал, что служить императору — все равно что служить тигру: делить с императором и трудности, и благополучие — дело нелегкое. Кроме того, прямолинейность характера Лю Бовена привела к тому, что он нажил немало врагов, и как только кто-то злонамеренно оклеветал его, вызвав подозрения у Чжу Юаньчжана, сразу же возникали неприятности. Хотя Чжу Юаньчжан сейчас очень доверял ему, его подозрительность становилась всё сильнее, и нельзя было гарантировать, что в будущем он не начнёт подозревать и его самого. Следовало остановиться на достигнутом и уйти в отставку в самый разгар событий.

Столкнувшись с подозрительностью, проницательный Лю Бовен понял, что это может привести к плохим последствиям, и, тщательно всё обдумав, ушёл на покой в родные края.

После ухода с должности к нему непрерывным потоком стекались люди, приезжавшие поклониться его славе. Лю Бовэн всегда очень радушно и с уважением принимал приезжающих друзей, родственников и соседей, но никогда не обсуждал с ними свои прошлые заслуги, политику при дворе или свои гениальные планы и хитроумные замыслы.

Однажды один из друзей пришёл к Лю Бовэну и заговорил о том, что Чжу Юаньчжан назначал на должности исключительно выходцев из Хуай, а Ху Вэйюн избавлялся от инакомыслящих. Лю Бовэн, не дожидаясь, пока друг закончит, начал с увлечением рассказывать о прелестях и тонкостях рыбалки. Друг был очень удивлён и повсюду рассказывал, что Лю Бовэн отрёкся от мирских дел. Лю Бовэн как раз и хотел произвести такое впечатление, и в этом заключалась его мудрость и тонкость.

Лю Бовен также всячески избегал общения с действующими чиновниками. Уездный префект его родного уезда Цинтянь несколько раз просил о встрече с ним, но каждый раз получал вежливый отказ. Позже, когда префект настоял на встрече, Лю Бовен скрылся в горах.

Этот уездный префект очень восхищался Лю Бовеном и не мог смириться с тем, что не смог увидеться с ним ни разу. Однажды уездный префект переоделся в крестьянина, надев фермерскую одежду и бамбуковую шляпу, и в одиночку отправился в горы. Придя к хижине Лю Бовена, он увидел, что тот как раз моет ноги. Увидев, что к нему пришел сосед, Лю Бовен поспешно надел обувь, пригласил гостя войти и, узнав, что тот ещё не обедал, поспешно подал домашнюю еду, радушно угостив его.

Во время трапезы Лю Бовен поинтересовался именем пришлого. Уездный судья поспешно встал из-за стола и честно признался: «Я — младший уездный судья уезда Цинтянь. Я специально пришёл, чтобы поклониться вам, господин. Несколько раз я просил о встрече, но не получил согласия, поэтому мне пришлось переодеться и прийти в таком виде. Прошу простить меня, господин».

Лю Бовен поспешно встал, поклонился уездному судье и сказал, что он — простой подданный, находящийся под его управлением, и не смеет утруждать уважаемого чиновника своим визитом. Несколько раз выразив искреннее смирение, он развернулся и вышел, оставив уездного судью одного за столом.

Слава и ум Лю Бовена вызывали зависть у многих его коллег. Ху Вэйюн подговорил своих приспешников ложно обвинить Лю Бовена в том, что тот в родном городе отбирал землю у простого народа, утверждая, что Лю Бовен вычислил, будто это место обладает «царской аурой», и собирался в будущем сделать его своим местом захоронения. В результате Чжу Юаньчжан отдал приказ лишить Лю Бовена пенсии по старости.

Узнав об этом, Лю Бовен поспешил в столицу, чтобы признать свою вину. Под предлогом плохого здоровья он поселился в своей резиденции в столице, не выходил из дома, не общался с чиновниками и не встречался со старыми друзьями, а целыми днями читал книги.

Однако осторожность и проницательность могли защитить его от физических страданий, но не от душевных ран, и в конце концов Лю Бовэнь приковался к постели и скончался в своём доме в Нанкине в восьмом году правления Хунву.

Жизнь Лю Бовена была наполнена мудростью: он отличался тонкостью ума и проницательностью, осторожно вел себя в этом мире и в смутные времена играл важную роль благодаря своему выдающемуся уму. Благодаря ясному уму он трезво оценивал общую картину событий. Несмотря на то что он вовремя ушел из политики, удалившись от нее и ведя жизнь, лишенную конфликтов с окружающими и практически в полной изоляции от мира, он все же был вовлечен в политическую борьбу против своей воли и, уединившись на старость, так и не обрел покоя. В начале эпохи Мин в ходе «дела Ху-Лань» было казнено более 30 тысяч гражданских чиновников и военачальников, а заслуженные ветераны и опытные полководцы были практически полностью уничтожены. То, что Лю Бовену удалось избежать этой участи, можно назвать счастьем в несчастье.

3. Искусный в расчетах, щедрый ради репутации

Рокфеллер входил в десятку самых известных американских магнатов и был известен в деловых кругах США как «нефтяной магнат». Он был мастером расчётов и тщательно всё планировал. Хладнокровный и находчивый, он был крайне прагматичен, не любил пустых разговоров, умел видеть общее в частном и с помощью расчётов накопил огромное состояние.

На Пятой авеню в Нью-Йорке возвышается 53-этажный небоскрёб Рокфеллер-центр, где также расположена штаб-квартира компании «Стандарт-ойл». В момент своего основания (в 1870 году) «Стандарт-ойл» насчитывала всего 5 человек, а сегодня у компании 300 тысяч акционеров и капитал в 50–60 миллиардов долларов; каждое её действие заставляет трепетать каждый нерв международного нефтяного рынка. Ключевой фигурой в этой компании является Рокфеллер.

У Рокфеллера с детства был острый коммерческий ум. В 12 лет он скопил все карманные деньги, которые давал ему отец, и ссудил их фермерам. Однажды он ссудил фермеру 50 юаней и подсчитал для отца: «Процентная ставка 7,5 %, к следующему году я получу 3,75 юаня процентов».

Рокфеллер бросил школу, не доучившись до второго курса старшей школы.

Он устроился помощником бухгалтера в одну из компаний. В это время Рокфеллер научился вести бухгалтерский учет и всегда придерживался этой традиции. Позже он передал эту традицию своему сыну, а тот — своему внуку.

Не достигнув 20 лет, Рокфеллер вместе с одним англичанином открыл компанию. Поскольку средств для партнерства не хватало, он одолжил у отца 1000 юаней под 10 % годовых. Они усердно трудились и к концу года получили прибыль в 4000 юаней. В своей деятельности они везде проявляли бережливость, стараясь максимально сократить расходы. Его партнер однажды с восхищением заметил: «Рокфеллер до крайности организован и внимателен к мелочам, не упуская ни единой мелочи».

У него всегда была привычка откладывать деньги, и эта привычка оставалась непоколебимой ни при каких обстоятельствах, поэтому он не только накопил определённый капитал, но и смог занять часть денег у других благодаря своей безупречной репутации.

В 1864 году Рокфеллер и Лора сыграли свадьбу. Отец Лоры пользовался высоким положением и авторитетом, что принесло огромную пользу развитию его карьеры.

Когда Рокфеллеру исполнилось 26 лет, он основал собственную компанию — «Рокфеллер-Эндрюс». В 1870 году он официально учредил компанию «Стандартный нефтяной трест».

В результате конкурентной борьбы и слияний он укрепил свои позиции в США. В 1882 году в США появился первый трест, и его родоначальником стал именно Рокфеллер.

«Империя Рокфеллера» становилась всё более обширной, а её активы — всё более солидными, но под руководством Рокфеллера контроль над бухгалтерской отчётностью треста оставался строгим. Рокфеллер мог точно проверять представленные ему отчёты о производственных и операционных затратах, а также о различных расходах и получать полную информацию о продажах и прибыли. С помощью строгой системы аудита Рокфеллер контролировал и отслеживал производственную и хозяйственную деятельность филиалов и дочерних компаний. Аудит треста проводился раз в три месяца; когда кто-то предложил перейти на полугодовой интервал, Рокфеллер категорически отказался. Он требовал, чтобы каждое утро, когда он приходил на работу, отчет о чистой стоимости капитала лежал на его столе.

Для увеличения прибыли Рокфеллер часто применял тактику «малая наценка, большой объем продаж» и «перераспределял» прибыль из других источников. Когда нефть перевозилась в деревянных бочках, для него существовали специальные производители, изготавливавшие бочки на заказ. Позже он обнаружил, что производители бочек получают значительную прибыль, и купил завод, производивший бочки для него, чтобы производить их самостоятельно. В процессе развития своего бизнеса Рокфеллер, точно рассчитав момент, с помощью монополии один за другим вытеснял с рынка другие предприятия. Некоторые, видя, как дело, над которым они трудились всю жизнь, рушится в одно мгновение, не выдерживали такой реальности и либо вешались, либо застреливались. Рокфеллер также нажился на Гражданской войне в США и Франко-прусской войне.

В конце XIX века компания Рокфеллера подверглась резкой критике и осуждению со стороны общественности; «Стандартная нефтяная компания» несколько раз становилась объектом официальных расследований, и Рокфеллер был вынужден выступать в суде в защиту своего треста. На фоне народных призывов к борьбе с монополиями в США был принят «Антимонопольный закон». Репутация Рокфеллера сильно пострадала, и, приблизившись к шестидесятилетию, он решил уйти из бизнеса и заняться благотворительностью, чтобы восстановить свою репутацию.

Хотя Рокфеллер всегда был приверженцем строгой экономии, в благотворительности он проявлял щедрость, но при этом придерживался определённых принципов. Он выдвигал требования относительно назначения и способов использования пожертвований. Например, при пожертвованиях школам он отказывался финансировать строительство зданий и текущие расходы, настаивая на том, чтобы средства поступали в школьный фонд; он не хотел, чтобы какие-либо школы или организации рассчитывали на него как на единственный источник финансирования; если его средства не использовались должным образом, он перенаправлял их другим организациям. Эти, казалось бы, простые принципы демонстрируют экономический ум и управленческую философию Рокфеллера, а также отражают его скрупулёзный подход к деньгам.

Большая часть пожертвований Рокфеллера шла на образование, и именно его пожертвования непосредственно привели к созданию Чикагского университета. За 10 лет совокупный объем пожертвований Рокфеллера превысил 34 миллиона долларов. К 1910 году, когда Чикагскому университету исполнилось 23 года, сумма пожертвований Рокфеллера достигла 45 миллионов долларов.

Впоследствии сферы деятельности фонда Рокфеллера расширились: образование, здравоохранение, научные исследования и т. д. Для этого Рокфеллер специально учредил фонд, чтобы надлежащим образом управлять пожертвованиями и их использованием.

Позже Рокфеллер расширил сферу своих пожертвований за пределы США, в основном направляя средства в отсталые страны и регионы на строительство больниц. Например, больница «Сюэхэ» в Пекине, Китай, была построена на средства Фонда Рокфеллера.

Рокфеллер когда-то пожертвовал средства Колумбийскому университету, а семья Рокфеллеров получила от университета недвижимость в центре Нью-Йорка, на которой и был построен небоскреб «Рокфеллер-центр». По некоторым подсчётам, в 1913 году личное состояние Рокфеллера составляло 900 миллионов долларов, а к 1937 году его задекларированное наследство составляло всего 25 миллионов долларов. Он перевёл деньги в фонд не только из-за других целей, но и для того, чтобы избежать американской политики высоких налогов на высокие доходы, сохранить своё состояние и при этом контролировать эти средства — его хитрость граничила с коварством.

То же самое сделал и его сын, младший Рокфеллер. На момент смерти его личное состояние оценивалось в 4 миллиарда долларов; помимо того, что половину он завещал жене, большую часть оставшегося состояния он поместил в другие фонды, что позволило избежать уплаты высокого налога на наследство. Такой подход Рокфеллера, позволявший достичь сразу нескольких целей, позволил ему сохранить лицо и при этом удержать огромные средства — можно сказать, что он рассчитал всё до мелочей.

Несмотря на своё богатство, Рокфеллер всегда вел скромный образ жизни: он редко покупал себе новую одежду. В еде он не был привередлив, любил хлеб и молоко, а блюда на его столе всегда были простыми. Его поместье также отличалось простотой и уютом; он не стремился к чрезмерной роскоши.

Рокфеллер был очень строг в вопросах воспитания своих детей. Особенно он проявлял осторожность и осмотрительность в вопросах управления деньгами и их расходования. Когда младший Рокфеллер учился в начальной школе, отец давал ему 1 доллар в неделю на карманные расходы, требуя, чтобы он тщательно записывал все свои траты. С самого раннего возраста он стремился научить своих детей наиболее разумно распоряжаться деньгами. Младший Рокфеллер и его сестра учились игре на скрипке, но они должны были сами зарабатывать деньги на уроки, подрабатывая.

Раньше успех Рокфеллера объясняли «богатством благодаря бережливости», и самодисциплина в его характере действительно способствовала его успеху. Но это не было главным фактором. Путь Рокфеллера от скромного помощника бухгалтера до миллиардера был обусловлен множеством факторов, и бережливость — лишь один из них. Он не только был мастером вычислений, но и отличался такой скрупулёзностью, что считал каждый цент. Именно этот тонкий и проницательный характер позволил ему сначала накопить капитал, а уже потом стать нефтяным магнатом.

4. Внимательность, острота ума, энтузиазм и уверенность в себе

Если оглянуться по миру и проанализировать глобальную ситуацию, то единственным человеком, который может поспорить с Биллом Гейтсом за первое место в рейтинге самых богатых людей, является Уоррен Баффет. Часто говорят, что если он простудится, то Уолл-стрит чихнет.

Баффетта называют «Форрестом Гампом» финансового мира, «оракулом из Омахи», «капиталистом, поедающим попкорн», «Святым Уорреном», «Уиллом Роджерсом делового мира», «богом Уолл-стрит», «современным героем Америки», «магом фондового рынка», «подозрительным святым», а Билл Гейтс называет его своим кумиром...

Человек, на которого сошлось столько славы, несомненно, является фигурой с ярко выраженной индивидуальностью — уникальным миллионером с ярко выраженным характером и выдающимся успешным деятелем.

Баффетт происходил из знатной семьи и, следуя собственному призванию, искал своё место в мире бизнеса. После окончания средней школы он поступил в Пенсильванский университет, но вскоре бросил учёбу и сразу же поступил в Университет Небраски, где получил степень бакалавра наук, а в 1951 году — степень бакалавра экономики в Колумбийском университете.

В 1985 году он занял 12-е место в рейтинге журнала «Форбс» с чистым капиталом в 1,07 млрд долларов, а к 1995 году, с состоянием в 12 млрд долларов, поднялся на второе место. Это свидетельствует о стремительном росте Баффета в карьере, его неуклонном продвижении вперед как лидера, стоящего во главе делового мира.

Чтобы стать одной из самых выдающихся личностей на вершине мировой пирамиды успеха, Баффет обладал совершенно уникальным характером, который тесно связан с его успехом.

Этот гений бизнеса смог достичь таких высот не благодаря наследственному бизнесу. Хотя его отец был членом Конгресса США и считался успешным человеком, для Баффета всё это, похоже, не имело большого значения. Почему? Потому что жизненный путь, выбранный Баффетом, полностью отличался от пути его отца. Именно это определило, что ему пришлось начинать с нуля, полагаясь исключительно на собственные силы.

С самого детства Баффет обладал острой интуицией и умением тщательно планировать. В большинстве биографий о нём без исключения упоминается, что ещё в детстве он проявлял уникальные черты характера, присущие гениальному предпринимателю. В детстве родители часто брали его с собой на отдых на побережье. Отец давал ему карманные деньги, чтобы он купил себе напитки. Семилетний Баффет не только покупал напитки, но и зарабатывал при этом немалую сумму карманных денег. По дороге от пляжа до магазина, где продавали напитки, он заметил, что на этом участке много отдыхающих, да и погода была жаркая. У него возникла гениальная идея: это отличная возможность заработать немного карманных денег. Он побежал в магазин, купил там всю колу и стал разносить её от одного конца пляжа до другого, продавая по пути. Его первая сделка прошла успешно. Эта история о том, как заработать на разнице в розничных ценах, существует во многих вариантах, но каждый из них демонстрирует, что Баффет был предпринимателем с острым чутьем.

Когда Баффет учился в средней школе, он вместе с друзьями купил подержанный игровой автомат за 25 долларов и, выдавая себя за филиал одной из крупных компаний, занимающихся игровыми автоматами, установил этот автомат в парикмахерской. Эта идея пришла ему в голову, потому что Баффет заметил, что люди, ожидая своей очереди в парикмахерской, не знают, чем заняться, и придумал этот гениальный способ заработать. По итогам первого дня работы Баффет и его друг открыли ящик для монет и обнаружили, что заработали целых 4 доллара. Тогда Баффет произнес фразу, которая впоследствии стала очень известной: «Думаю, мы на правильном пути». Игровой автомат приносил ему 50 долларов чистой прибыли в неделю.

К моменту окончания средней школы у Баффета в банке уже было 9 000 долларов. На те времена это считалось значительной суммой.

Уже по ранним жизненным опытам Баффета можно было разглядеть его уникальные и ярко выраженные черты характера. Он обладал исключительной проницательностью, ценил свободу, был полон энтузиазма к жизни и стремился во что бы то ни стало реализовать себя.

Благодаря своей тонкой проницательности Баффет создал для себя множество возможностей и стал человеком, способным творить чудеса.

Один крупный американский предприниматель однажды сказал: «Баффет — это загадка нашего времени, загадка, полная очарования. Чем ближе вы к нему подходите, тем больше открываете для себя его неординарность. Но если вы на основании этого скажете людям, что он какой-то определённый тип человека, то вы, очевидно, впали в заблуждение». Баффет — не промышленник, в отличие от Билла Гейтса или Коносукэ Мацушита; он всего лишь биржевой брокер. Но при этом он входит в число самых богатых людей мира. В чём же заключается его исключительность? Баффет явно не мошенник. Так кто же он?

Если посмотреть на Баффета с другой точки зрения, люди с удивлением обнаружат, что он — настоящий художник в обращении с деньгами.

Будучи мировым королём инвестиций, Баффетт имеет совершенно иное представление об инвестировании, чем другие. Для него инвестирование — это и дело, и вид спорта, и развлечение.

Его очень увлекает сложный и изменчивый характер бриджа, он обожает полакомиться попкорном и выпивает по 5 бутылок колы в день. Его любимая кола — «Пепси», но, что интересно, он является одним из крупнейших держателей акций «Кока-Колы».

У Баффета бесчисленное количество друзей. Благодаря его щедрости, сердечности и честности (что для бизнесмена просто невероятно), друзья ему безгранично доверяют. Они доверяют не только его способности зарабатывать деньги, но и его человеческим качествам. Баффет начал заниматься торговлей ценными бумагами ещё в молодости. Многие его друзья вверяли ему свои деньги, безоговорочно доверяя ему управление ими, и в результате многие из них разбогатели и стали миллионерами. Они разбогатели благодаря мудрости Баффета и получили прозвище «миллионеры Баффета».

Люди привыкли считать его простым парнем из Омахи, и он сам в некотором смысле соответствует этому представлению. Но на самом деле это не так. Он — чрезвычайно сложный и неуловимый человек». Дело в том, что человек с чрезвычайно острым умом действительно может сбивать с толку в повседневной жизни.

Проницательные люди склонны к чувствительности, а у чувствительных людей характер зачастую бывает сложным. Автор журнала «New Financial Masters» Джон Трейн говорит: «С профессиональной точки зрения Баффет выбрал «ястребиную» отрасль, и он действительно является внушающим страх ястребом, но в то же время — ястребом, вызывающим симпатию».

Можно сказать, что в жизни Баффет — многогранный и симпатичный человек. Его чувствительный характер проявляется в полной мере, но при этом он не склонен к чрезмерной остроте ума. А в работе его характерная черта — острота ума — проявляется гораздо ярче и отчетливее.

Баффетт однажды сказал, что никогда не терял веры в то, что можно заработать деньги. Еще в юности он определил для себя жизненную цель. Он откровенно признавал, что не стоит усердно заниматься тем, что не стоит делать. Эта простая фраза раскрывает секрет его душевного мира: заниматься только тем, что он считает наиболее достойным.

Человек с упорным характером, как правило, целеустремлён и неуклонно идёт к своей цели, не сдаваясь ни перед какими препятствиями. За несколько десятилетий своей деловой карьеры он пришёл к выводу, что его истинным достижением является не его состояние в сотни миллиардов долларов, сопоставимое с богатством целой страны, а сам процесс стремления к духовной цели и её достижения.

И Баффет — именно такой человек. Его проницательный и целеустремленный характер побуждал его всю жизнь стремиться к вершинам богатства, где «высоко в горах холодно».

Современное общество — это цифровое общество, где практически всё зависит от цифр: так обстоит дело и в сфере бизнеса, и в финансовой индустрии. Будучи «королём инвестиций», Баффет, по логике вещей, должен был бы подчиняться этим законам ещё в большей степени.

Но на деле часто бывает иначе.

Он в большей степени полагается на интуицию и глубокое понимание человеческой натуры, а не на цифры, которые в современном обществе все считают святыми. Именно это определяется характером Баффета. Баффет испытывает врождённую любовь к цифрам, но он скептически относится к тем инвесторам, которые чрезмерно полагаются на графики, кривые или формулы, которые, казалось бы, производят глубокое впечатление.

Он решительно выступает против того, что многие инвесторы слепо доверяют статистическим данным и компьютерам. Он считает это заблуждением. Однажды он иронично заметил, что многие любят тратить время на цифры и доходят до такой нелепости, что целую сутки мучаются над выбором между 87 и 88 — это просто невероятно. А он, Баффет, самый бога-

тый человек в мире, король инвестиций, бог Уолл-стрит, всё больше ценит те вещи, которые нельзя увидеть.

Баффет часто с презрением отзывался об университетских курсах по экономике. Он считал, что эти знания настолько сложны, что становятся совершенно бесполезными. Ведь простые действия на практике явно оказываются более эффективными.

Конечно, Баффет имеет полное право так говорить.

Он начал покупать акции в 11 лет, и за несколько десятилетий стал супермиллиардером.

И это самое убедительное доказательство.

Именно такая чуткость и тонкость дают Баффету зрение, острое как у орла, позволяющее ему проникать в самую суть вещей, не полагаясь ни на что — и именно в этом заключается ключ к его успеху как в жизни, так и в делах.

5. Умная, проницательная и изящная Уэньэр

Шангуан Ваньэр была талантливой женщиной, о которой с восторгом отзывались в период единоличного правления У Цзэтянь; она пользовалась особой благосклонностью императрицы, однако её судьба была полна кризисов и невзгод.

Дед Шангуан Ваньэр, Шангуан И, из-за недовольства деспотическим правлением У Цзэтянь навлек на свой род наказание в виде истребления всего рода. Шангуан И был известным поэтом раннего периода династии Тан, создателем стилистического направления «стиль Шангуан». Однако этот знаменитый поэт погиб от руки У Цзэтянь. В то время Шангуан Ваньэр была ещё младенцем и вместе со своей матерью, госпожой Чжэн, была сослана во дворец в качестве рабыни.

Поступив во дворец, Шангуан Ваньэр под руководством матери Чжэн углублённо изучала поэзию и литературу, проявив талант к сочинению стихов и прозы. Чжэн, обучая дочь чтению, постепенно раскрывала ей правду о трагедии, обрушившейся на их семью. В сердце Ваньэр зародилось семя ненависти. В 12 лет Шангуан Ваньэр была переведена на службу к наследному принцу Ли Сяню в качестве придворной служанки.

Шангуан Ваньэр отличалась умом и сообразительностью. Вспоминая о трагической гибели деда и отца, она не только испытывала безмерную скорбь, но и, охваченная яростью, жаждала отомстить. Однако, не имея ни власти, ни влияния, отомстить было нелегко, и на данный момент самым важным было сохранить жизнь матери и дочери.

Опасные условия жизни сформировали в Шангуан Ваньэр осторожный, проницательный и расчетливый характер. Она прекрасно понимала: чтобы удержаться во дворце и сохранить жизнь, необходимо найти влиятельного покровителя. На данный момент наследный принц Ли Сянь был лучшим кандидатом. Она была молода, красива и талантлива; если ей удастся покорить сердце наследного принца Ли Сяня, то как сложится её судьба в будущем — никто не мог предсказать.

Обдумав всё это, Шангуан Ваньэр стала уделять особое внимание тому, чтобы завоевать расположение наследного принца Ли Сяня. Однажды осенней ночью, устав от чтения, принц вышел прогуляться. Вдруг до его ушей донёсся звук цин, наполненный некоторой грустью. Принц спросил, кто играет, и слуги ответили, что это Шангуан Ваньэр. Тогда принц приказал Ваньэр войти в кабинет и сыграть для него одну мелодию.

Вскоре пришла Ваньэр, поблагодарила принца Сяня и села. Сегодня настроение Ваньэр было далеко не спокойным: именно 13 лет назад в этот день она вошла во дворец. При мысли о несправедливой смерти деда и отца, о трагическом положении матери и о себе самой в её сердце невольно поднимались бурные волны. Ей хотелось говорить, но она не могла. Хотя ей хотелось высказаться, но она не могла, и тогда она решила сыграть эмоциональную мелодию «Гуаньлинская печаль», чтобы дать выход своим чувствам.

Шангуан Ваньэр на мгновение закрыла глаза и сосредоточилась, затем одним движением длинного ногтя коснулась струн — раздался звонкий звук, и казалось, будто небо и земля

вздрагнули, горы и реки сгорбились от печали, а и без того мрачное небо потемнело ещё больше. Когда она начала играть мелодию, в этом звуке, таинственном и отдаленном, слышались нотки гнева и скорби, смешанные с глубокой печалью; он разносился в воздухе, словно дикий конь, пораженный стрелой, кружащийся и мчащийся по безбрежной степи, а его несущиеся копыта поднимали клубы пыли, превращавшиеся в густые туманы, от которых у слушающих возникало ощущение безграничной бездны, а душа содрогалась. В этот момент соколы кружили в высоком небе, не в силах спуститься, тигры и леопарды бродили по лесу, не в силах остановиться, цветы и травы один за другим увядали, а насекомые и рыбы поодиночке уходили в спячку. Печаль — это была ужасающая печаль, словно острая стрела, перерезавшая всю жизненную силу и радость всех живых существ. Возможно, в сердце накопилось слишком много обид, а может, эмоции вылились слишком бурно. И в конце раздался громовой раскат — одна из струн цитры оборвалась!

Князь Сянь в душе был поражён. Он давно знал о происхождении Ваньэр. И он ясно слышал в «Гуанинской песне» нотку несправедливости. «Гуанинская песня» напомнила ему о «Гуанинском сочите», о Цзи Кане, казнённом Сима Чжао. Разве не этим Шангуан Ваньэр намекала на свою семейную историю? Смелость, доходящая до безрассудства, — в столь юном возрасте осмелиться на такое! Однако Ли Сянь не проявил гнева; он догадался, что стрелы Ваньэр были направлены на мать, и это вызвало у него весьма сложные чувства. В глубине души он уже давно испытывал недовольство деспотичностью матери, а тайна смерти старшего брата только усугубляла его сомнения. Поэтому он даже испытывал к Шангуань Ваньэр некоторую симпатию.

Пережив эту беду, Шангуан Ваньэр стала более зрелой, опытнее и осторожнее. Её поэтические способности также значительно улучшились.

В очередную осеннюю ночь Шангуан Ваньэр сидела за письменным столом; в полудреме ей показалось, будто она оказалась в пустыне: она ехала верхом на лошади и, подойдя к водоёму, услышала пение Цюй Юаня; она вздрогнула и проснулась.

Почему Ваньэр приснился Цюй Юань? Возможно, в глубине её сознания таилась ненависть к злой женщине, оклеветавшей Цюй Юаня, — Чжэн Сюэ. Разве не была У Цзэтянь современной Чжэн Сюэ? Возможно, в глубине сознания она сравнивала своего деда Шангуан И с Цюй Юанем — разве они не были оба поэтами? Как бы то ни было, этот сон нужно было записать, но при этом нельзя было писать слишком прямолинейно (ведь это грозило смертельной опасностью). Ваньэр долго размышляла и в конце концов написала стихотворение «Скорбь в красочном письме» в крайне завуалированном тоне. В стихотворении говорится:

Листья опадают над Дунтингом, и я скучаю по тебе за десятью тысячами ли.

Роса густая, а душевное одеяло холодно; луна заходит, и на шелковом экране пусто.

Хочу сыграть «Песню о Южном реке», но сначала хочу запечатать письмо, отправляемое на север.

В письме нет никакого скрытого смысла, просто мы давно не виделись.

Неизвестно как, но «Жалоба в красочном письме» оказалась в руках принца Сяня. Прочитав её, он был тронут и приказал привести Шангуан Ваньэр, чтобы спросить: «Шангуан Ваньэр, скажи мне, кому ты написала эту «Жалобу в красочном письме»?». Ваньэр испугалась и поспешно ответила: «Я написала её для себя». Кронпринц Сянь настаивал: «У тебя уже есть объект твоих чувств?» Шангуан Ваньэр к тому моменту пришла в себя и ответила: «Ваша слуга лишь олицетворяла даму Сян, тоскующую по императору Да Шуну.» Кронпринц Сянь улыбнулся и сказал: «Это, конечно, верно: „Под листьями на берегу Дунтин в начале осени, тоскую о тебе за десятью тысячами ли“, — судя по всему, речь идет о Великом Шуне. Великий Шун отправился в южное путешествие и не вернулся, погибнув в поле Цанву. Однако слова в стихотворении слишком резкие, — это не в духе госпожи Сян. У тебя, должно быть, есть кто-то другой, кому ты посвящаешь свои чувства?»

В этот самый момент прибыла императрица У Цзэтянь. Князь Сянь, готовясь встретить её, был вынужден попросить Ваньэр на время удалиться.

Императрица У Цзэтянь вошла в кабинет наследного принца, бегло пролистала лежавшую на столе «Книгу о сыновней почтительности» и неожиданно наткнулась на стихотворение Шангуан Ваньэр «Жалоба в красочных стихах». Прочитав его, она пришла в ярость: «Кто это написал?» Наследный принц, пребывая в сильном страхе, ответил: «Докладываю, матушка-императрица, это написала Шангуан Ваньэр». Императрица У Цзэтянь стала ещё суровее: «Шангуан Ваньэр? Кто она?» «Докладываю, матушка, что Шангуан Ваньэр — внучка Шангуан И. 14 лет назад, после того как Шангуан И и его сын Шангуан Тинчжи отбыли наказание, Шангуан Ваньэр вместе со своей матерью, госпожой Чжэн, поступила во дворец в качестве рабыни». Когда императрица У Цзэтянь призвала Шангуан Ваньэр к себе и узнала, что ей всего 14 лет, она была крайне удивлена; её сердце не могло успокоиться, ведь и она сама поступила во дворец в 14 лет.

14 лет — какой же это незабываемый возраст! Подумав об этом, У Цзэтянь внимательно осмотрела стоящую перед ней девушку: она была стройной, с прекрасным лицом, а в уголках глаз и бровей проглядывала упрямая решительность. В сердце У Цзэтянь невольно зародилась к ней симпатия. Она понимала, что содержание стихотворения «Скорбь о цветной книге» весьма тонко: в нём речь идёт не только о тоске госпожи Сян по великому Шуну; разве первая строка «Под листьями — Дунтин в начале» не заставляет вспомнить о Цюй Юане? Шангуан И был известным поэтом ранней эпохи Тан, создателем «стиля Шангуан»; может быть, Ваньэр скучает по своему дедушке? Или же в этом стихотворении скрыт какой-то более сложный смысл?

У Цзэтянь решила лично проверить Шангуан Ваньэр и сказала: «Написать такое стихотворение в 14 лет — действительно нелегко. Можешь ли ты сочинить ещё одно на моих глазах?»

«Прошу Ваше Величество, императрицу, задать тему».

У Цзэтянь огляделась по комнате, заметила вырезанные из цветной бумаги цветы и решила взять их за тему: «Напиши стихотворение в стиле пятистишного лиуши на тему „Вырезанные из цветной бумаги цветы“, которое должно рифмоваться с „Жалобой на цветное письмо“».

Шангуан Ваньэр разгладила бумагу, приготовила кисть, немного поразмыслила и одним росчерком написала:

Густые листья распускаются после обрезки, новые цветы раскрываются под ножницами. Хотя ветки и не обрезаны, кто знает, что сердцевинки пусты.

Весна приходит — и они распускаются, осень наступает — а они ещё не хотят увядать. Позволь спросить: как же персики и сливы, смешиваясь, что же им делать?

Прочитав стихотворение, У Цзэтянь невольно поразились. Это стихотворение было написано весьма неплохо.

У Цзэтянь перечитала «Цветок из обрезанной ленты» ещё раз, и в её душе внезапно возникло странное ощущение. Она снова и снова повторяла последние две строки: «Позволь спросить: как же можно перепутать персик с сливой?» У Цзэтянь строго спросила: «Шангуан Ваньэр, что означают эти две строки?»

«Это означает, что искусственные цветы могут быть неотличимы от настоящих».

«Ты что, намекаешь на что-то?»

«Ваше Величество, императрица, древние говорили: „У стихов нет однозначного толкования“ — всё зависит от настроения читателя. Если Ваше Величество считает, что я намекаю на что-то, я не осмелюсь оправдываться».

«Шангуан Ваньэр, я убила твоего деда, убила твоего отца — между нами существует непримиримая вражда, не так ли?»

«Если Ваше Величество так считаете, я не осмелюсь сказать, что это не так».

Отличный ответ! Ни униженная, ни надменная, мягкая, но в то же время решительная — сообразительность и решительность Шангуан Ваньэр полностью покорили У Цзэтянь, и та невольно по-настоящему полюбила эту юную девушку.

Люди невольно испытывают за Шангуан Ваньэр чувство опасения: если бы не сообразительная и проникательная Шангуан Ваньэр, сумевшая уловить настроение У Цзэтянь и ответить уместно, она, возможно, тоже стала бы жертвой меча. То, что Шангуан Ваньэр удалось вырваться из лап тигра, было полностью обусловлено её чутким и осторожным характером.

Глава 3. Как жить людям с бунтарским характером

Бунтарский тип личности — это противоположность пассивному подчинению. Такие люди отличаются радикальным мышлением и смело бросают вызов окружающей среде, поэтому в глазах окружающих они часто кажутся не такими, как все. Они открыто сопротивляются жизни, не идут на уступки и не ищут обходных путей — это отважные борцы. Они смело нарушают устоявшиеся нормы, легко прокладывают новые пути, не подчиняются светским предрассудкам и устаревшим обычаям, часто поступая вразрез с общепринятым. Люди с бунтарским характером смело подвергают критике пороки общества, испытывают сильное чувство отчуждения от окружающей среды, благодаря чему их индивидуальность проявляется особенно ярко.

Однако бунтарство может привести к крайностям и потере здравомыслия, а в поступках — к импульсивности и вспыльчивости. Когда их желания и цели значительно расходятся с реальностью, они легко начинают испытывать отвращение и неприятие к существующим социально-культурным нормам и ценностям, что приводит к отвращению к себе и миру, а порой даже к готовности пойти на деградацию. Кроме того, их поведение зачастую не находит понимания в обществе, а круг общения у них не слишком широк, поэтому в душе они часто чувствуют себя очень одинокими.

1. Сумасшедшая и смелая королева эстрады

Известность Мадонны, несомненно, обусловлена её характером: её бунтарство и смелость потрясают общество, вызывая в шоу-бизнесе одну волну за другой и делая её кумиром во всём мире.

Мадонна родилась в многодетной католической семье, её отец был инженером. С самого детства она жила спокойной и счастливой жизнью. Когда ей исполнилось 6 лет, внезапно умерла её мать. Её счастье разбилось вдребезги, а позже отец женился на экономке. Это очень опечалило Мадонну: во-первых, отец постепенно стал хуже к ней относиться, во-вторых, она стала в семье никому не нужной фигурой. К тому же мачеха была чрезмерно строгой, и Мадонна испытывала к ней сильную неприязнь. Возможно, именно эти причины сделали Мадонну бунтаркой. Позже она вспоминала: «Наша семья была очень старомодной. Когда я была совсем маленькой, бабушка умоляла меня не выходить с мужчинами, любить Христа и быть хорошей девочкой. Поэтому в моем представлении существовало два образа женщины: либо девственница, либо проститутка». Таково было саморазоблачение Мадонны относительно своей личности.

В старших классах Мадонна была капитаном школьной группы поддержки и часто разъезжала на своей красной машине. Она была прямолинейной и говорила всё, что думала, не задумываясь о последствиях.

Она также часто участвовала в различных представлениях, которые ставила католическая школа для девочек, а «Голос Моуроу» из Детройта был одним из увлечений Мадонны. Из-за присущего ей беспокойства и бунтарского духа она подружилась с чернокожими девушками из соседства. Эти девушки часто танцевали на улицах под ритмы чернокожих госпел-песен. Мелодии госпел оказали большое влияние на её дальнейшее развитие в музыке.

В 1978 году Мадонна, имея при себе всего 35 долларов и полная прекрасных надежд, приехала в Нью-Йорк, чтобы сделать карьеру и добиться славы и богатства в мире танца. Она училась одновременно в двух танцевальных классах, а после занятий подрабатывала в баре, и заработанных денег едва хватало на самое необходимое. Она сняла дешевую квартиру в самом бедном районе Нью-Йорка. Там повсюду ползали тараканы, в коридорах беспорядочно валялись пьяницы, а в воздухе постоянно витал запах пива. Она часто опаздывала на занятия и одевалась не так, как все. Её «панковский» стиль зачастую заставлял однокурсниц бояться смот-

реть на неё прямо в глаза. Мадонна любила производить на людей неожиданное впечатление, и эта черта характера сохранилась у неё до сих пор. Она часто демонстрировала окружающим свои сексуальные части тела.

Не добившись успеха в танцах, Мадонна решила, что её характер подходит для карьеры в шоу-бизнесе. Поэтому она переключила своё внимание на музыку. «Я начала учиться играть на гитаре и сочинять песни. Поначалу это казалось мне довольно страшным — я не понимала, что делаю. Но как только я начала играть на гитаре, песни просто потекли из моего сердца. Вау! Это было словно открытие какой-то магии. И тогда я перестала переживать из-за того, что не танцую».

Тем, кто по-настоящему привёл Мадонну в мир музыки, стал певец и композитор Дон Джилро. Сначала отношения Мадонны и Дона длились недолго. Мадонна очень переживала за своё будущее и хотела найти способ совместить музыкальное творчество с танцами. Она по-прежнему увлечённо занималась танцами и постоянно ходила на прослушивания. Наконец, однажды ей представился шанс сыграть главную роль — в рок-концерте Патрика Эрнандеса. Так Мадонна внезапно оказалась на вершине шоу-бизнеса, но не в США.

Эрнандес был диско-певцом. В то время он завоевывал популярность по всему миру благодаря песне «Born To Be Alive». Два его главных продюсера из Парижа приехали в США, чтобы помочь ему организовать программу для гастрольного тура по Европе. Они единодушно сочли, что у Мадонны есть харизма звезды, и решили сделать её знаменитой в одночасье. Как и в старых голливудских фильмах, которые Мадонна любила смотреть в детстве, она была ошеломлена такой неожиданной славой и сразу же улетела в Париж, где начала заниматься вокалом. В тот момент Мадонна чувствовала себя на седьмом небе от счастья — всё это приводило её в необычайный восторг. Несомненно, характер Мадонны подходил для такой профессии и такого образа жизни.

Однако дела пошли не так, как хотелось бы. Продюсеры таскали её туда-сюда, демонстрируя людям свою «малышку», которую они «выкопали» из нью-йоркских трущоб. Мадонне оставалось только притворяться, будто всё в порядке. Она повсюду устраивала скандалы, тем самым избавляясь от истинного чувства одиночества и тоски по дому, которые таились в её душе. Она часто забегала в какой-нибудь элитный ресторан, отказывалась и от основного блюда, и от закусок, и заказывала сразу три тарелки десерта.

Она всегда вела себя непредсказуемо, удивляла окружающих и поступала так, как ей заблагорассудится.

Как только она приехала в Нью-Йорк, сразу же отправилась в «церковь». Тонг продолжал давать ей уроки музыки, на этот раз обучая её игре на барабанах. Мадонна тоже проявила огромную решимость. Братья Гилмо и подруга Мадонны по танцам, Энджи Шмитт, организовали группу, которая регулярно репетировала в «Церкви». Днем они уходили на работу, оставляя Мадонну одну дома, где она экспериментировала со всеми инструментами. Она научилась играть на аккордеоне, гитаре и барабанах. Амбиции Мадонны стать музыкантом заставляли других участников группы «страдать» вместе с ней. Они часто репетировали всю ночь напролёт, а по окончании как раз успевали позавтракать. Поэтому они и назвали себя «Клуб завтрака». Это было самое счастливое время в жизни Мадонны, когда она впервые почувствовала, что её по-настоящему любят. Такая непринуждённая и свободная атмосфера давала Мадонне огромное пространство для самовыражения.

Неукротимая и полная дикой энергии Мадонна устроила рок-концерт на Таймс-сквер в Нью-Йорке, где собралось 10 тысяч поклонников, желающих увидеть Мадонну во всей красе. В том же году в парке на юге Парижа 130 тысяч поклонников пели вместе с Мадонной; их пение не давало заснуть всему городу, и это выступление стало рекордным по количеству зрителей в истории французского рок-музыки.

Достигнув успеха и славы, Мадонна в этот раз нацелилась на новое направление. Музыкальные клипы, в конце концов, — это все-таки небольшой масштаб. Мадонна хотела стать кинозвездой. Учившись на своих ошибках, она поняла, что одной решимости недостаточно. Чтобы карьера достигла вершины, нужна помощь профессионала.

«Я подумала: кто самый успешный человек в музыкальном мире, и кто его менеджер? Мне нужен именно он». Мадонна остановила свой выбор на Фредди де Мане, менеджере Майкла Джексона. Она проследила за ним до Лос-Анджелеса, ворвалась в его офис и рассказала ему о своих планах. Фредди был потрясён смелостью Мадонны и согласился стать её менеджером. Майкл Джексон — бесспорная рок-звезда современности, и то, что она выбрала менеджера этой мировой звезды в качестве своего собственного, свидетельствует о её уникальном видении и глубокой проницательности. Каждое действие Мадонны демонстрировало её индивидуальность: чтобы встретиться с Фредди, она не воспользовалась ничьей помощью, а просто ворвалась в его офис — на такое способна только личность такого характера, как Мадонна.

Как раз в тот момент, когда её карьера сделала огромный шаг вперёд, ей посчастливилось привлечь к сотрудничеству «короля диско-ремиксов» Беннитаса, который ранее работал с такими суперзвездами, как Билли Джо и Майкл Джексон.

Успех не изменил дерзкий и буйный характер Мадонны, но, без сомнения, изменил её жизнь. Сначала изменился её стиль одежды, а затем — отношение людей к ней. Из-за созданного ею образа сексуальной женщины вокруг неё часто появлялись люди с не вполне нормальным психическим состоянием. Когда она шла по улице, незнакомые мужчины внезапно подбегали к ней, чтобы поцеловать её или потрогать. Мадонне пришлось нанять телохранителей, что давало ей хоть какое-то чувство безопасности.

Мэрилин Монро была звездой сексуальности, а Мадонна — рок-звездой; их объединяли дикость, страсть и безумие. В сексуальной жизни Мадонна тоже отличалась от других, демонстрируя дикость и раскрепощённость — иначе она не была бы Мадонной.

Бобби Мартинес был всего шестнадцати лет, когда познакомился с Мадонной. Однажды он пришёл погостить к своему другу Киту Харри и случайно встретил Мадонну. Мадонна, как только увидела Мартинеса, сразу же влюбилась в него, посчитав его молодым и сексуальным, и особенно оценив в нём ту же дикую энергию, что и в себе. Мартинес тоже был очарован Мадонной. С самого первого взгляда они начали обниматься и танцевать, переходя от одной песни к другой, и всю ночь не хотели расставаться.

Вскоре Мадонна и Мартинес стали жить вместе; их роман длился четыре года, и на протяжении всего этого времени их отношения оставались страстными, без малейших признаков охлаждения или отчуждения.

Мартинес был далеко не единственным мужчиной, с которым у Мадонны были интимные отношения; можно назвать десятки примеров. Как сама Мадонна говорила: «Некоторые называют меня распутницей, но я хочу большего». Это свидетельствует о безумном стремлении Мадонны к искусству, о её безудержности и радикализме, а также о том, что в сексуальной жизни она вела себя по-своему, не обращая внимания на мнение окружающих.

Названия её песен — «Девушка, обожающая деньги», «Папа, не поучай меня», «Как девственница» и другие — без исключения пронизаны бунтом против традиций; фильм «В поисках Сьюзан», в котором она снялась, называют «Алиса в стране чудес: история проститутки»; а её книга «Секс» изобилует изображениями бисексуальности, зоофилии, мастурбации, межрасового секса и техник сексуального взаимодействия. Бунтарство Мадонны не знает границ: она презирает все традиционные ценности и обычаи, демонстрируя миру свою необузданность. Именно за это в 1999 году журнал «Форбс» назвал её «самой проницательной женщиной-предпринимателем Америки» и «самой богатой женщиной американской индустрии развлечений». Те, кто её любят, любят до крайности, а те, кто её ненавидят, ненавидят до глубины души, но никто не отрицает, что она — самая яркая звезда XX века. Поэтому она одновременно и свя-

тая, и спасительница, и грешница, и ведьма; и дева, и проститутка — настолько она выходит за рамки общепринятых норм, что её просто невозможно оценить.

В конце концов, у Мадонны сверхчеловеческая сила воли: сталкиваясь с натиском давления и атак со стороны окружающих, она демонстрировала поразительную выносливость и необычайную стойкость сильной женщины. Хотя давление было настолько сильным, что ей было трудно дышать, она не сдалась; напротив, она ждала подходящего момента, чтобы нанести ответный удар — в этом и заключается дикая природа Мадонны.

Вскоре Мадонна нашла возможность выбраться из затруднительного положения.

В июле 1985 года на благотворительном концерте в поддержку борьбы со СПИДом ведущая Бет Мидлер, представляя Мадонну, с иронией заметила: «Она — певица, которая гордится тем, что раздевается, и сделала себе имя благодаря этому».

Услышав эти провокационные слова, зрители возбудились и захотели посмотреть, как же на самом деле выступит Мадонна, однако когда её песня достигла кульминации, она по-прежнему не проявляла ни малейшего намерения «раздеваться».

В этот момент зрители в зале начали подбадривать её.

«Раздевайся!»

«Раздевайся!»

В зале раздался хор голосов, требующих «раздеваться».

Однако, к их удивлению, Мадонна так и не пошла на поводу у публики. Напротив, она сказала:

«Сегодня я не буду раздеваться. Я хочу, чтобы вы знали: я вам понравлюсь и без этого, и вы сможете использовать это, чтобы опровергнуть моих оппонентов».

Только не следуя общепринятым нормам, можно добиться прорыва. В мире шоу-бизнеса, где собраны звезды и скрываются настоящие таланты, чтобы выделиться из толпы и завоевать признание поклонников музыки и кино, одного таланта недостаточно — самое привлекательное качество — это характер. Именно благодаря своему бунтарскому духу Мадонна смогла сохранить успех на протяжении всей своей карьеры.

В последние годы Мадонна, как ни странно, вновь полностью отреклась от своего прежнего «я»: она кардинально изменила свой образ, внезапно стала вести жизнь, посвящённую мужу и детям, а в музыке также отказалась от прежнего стиля, вернувшись к традициям. Её манеры стали даже более благовоспитанными, чем у настоящей леди, у неё усилились чувство морали и ответственности, и она полностью вернулась на традиционный путь, что в очередной раз продемонстрировало её бунтарский дух поклонникам по всему миру, а сама она снова и снова оказывается в центре внимания СМИ.

2. Пушкин: Странный образ жизни, борьба за честь до самой смерти

Великий поэт-романтик XIX века Пушкин был не только родоначальником романтической литературы, но и основоположником реализма; он обладал неповторимым шармом благодаря своему явно бунтарскому и поэтическому характеру.

6 июня 1799 года Пушкин родился в Москве в дворянской семье. С самого детства он проявлял необычный бунтарский характер. В 13 лет Пушкин поступил в «Царсельскую школу», целью которой было воспитание слуг российской императорской семьи. Эта школа — от учебной программы до повседневного управления — строго следовала всем указаниям правителей царской России, контролируя мысли и поступки учеников. Пушкин не мог с этим смириться и вступил в борьбу со своими одноклассниками и феодальными силами, представленными интендантом и заместителем директора. В 1813 году, в возрасте всего 14 лет, Пушкин написал сатирическую поэму «Монах», в которой автор высмеял лицемерного монаха.

В гимназии он находился под влиянием идей западноевропейского Просвещения и стремился к буржуазной демократии и свободе. Во время работы в Министерстве иностранных дел он поддерживал тесные связи с революционными кругами того времени и вступил в прогрес-

сивное общество «Зеленый фонарь». Под влиянием демократических революционных идей того времени он написал ряд политических лирических стихотворений, разоблачающих деспотическое произвол и воспевающих свободу, таких как «Ода свободе», «Сказка», «К Чадаеву», «Деревня» и др.

Поскольку стихи Пушкина, осуждавшие мрачное правление царской России, широко распространялись среди народа, правители ненавидели его до глубины души. Царь Александр громко заявлял, что Пушкина нужно сослать в Сибирь, чтобы молодежь по всей стране не цитировала его стихи. Впоследствии он сослал Пушкина на юг России.

Сослание Пушкина на юг преследовало главную цель — заставить поэта отказаться от прогрессивных идей и смириться с ролью царского слуги. Однако всё пошло не так, как планировалось: юг России считался среди ссыльных местом, где они могли собраться вместе, и здесь, благодаря возможности общаться с большим количеством революционеров, его изначально бунтарский характер только укрепился.

Во время ссылки Пушкину было разрешено путешествовать по Кавказу и Крыму. По возвращении он написал длинную поэму «Цыган». Главный герой поэмы, Алеко, — беглец; через осуждение Алеко высшего общества и городской жизни поэт критикует этот развращённый паразитический образ жизни. Алеко прожил два года среди цыган, но так и не стал настоящим цыганом; когда его жена влюбилась в другого, он жестоко убил их обоих. Здесь поэт осуждает эгоизм, воспитанный в «цивилизованном» обществе.

Пушкин продолжал общаться с революционерами и писать свои политические лирические стихи, а разгневанный царь прибег к ещё более подлым средствам: он отправил Пушкина под конвоем обратно на родину, чтобы отец поэта строго наказал этого «непослушного» сына. Отец убеждал сына не лезть в политику и больше не писать бунтарских политических стихов, но убеждения Пушкина не пошатнулись, в результате чего он в конце концов оказался в полном одиночестве, и даже родные отвернулись от него.

Вскоре в России произошла «Декабрьская революция», которую правители царской России жестоко подавили; несколько близких друзей Пушкина из Царсельской школы были, к сожалению, убиты. Сам Пушкин также предчувствовал, что ему снова грозят неприятности.

Вновь вступивший на престол царь Николай I вызвал поэта к себе. Царь спросил Пушкина: «Если бы во время восстания декабристов вы оказались в Петербурге, что бы вы сделали?» Пушкин без колебаний ответил: «Я был бы на площади Сената, в рядах восставших».

Его поэтические произведения подвергались строгому контролю; царь был недоволен его исторической пьесой «Борис Годонов», но Пушкин по-прежнему отстаивал свою точку зрения, ясно дав понять, что не может внести в нее изменения, и царь отдал приказ не допускать постановку этой пьесы. Правительство установило над Пушкиным строгий надзор: без разрешения ему не разрешалось покидать Москву, а тем более ехать в Петербург. Такие меры царского правительства только укрепили убеждения Пушкина и ещё больше обострили его бунтарский характер.

Пушкин презирал царское правительство; его независимый, несвязанный узами и непокорный бунтарский характер был неприемлем для царского правительства. Царское правительство всегда рассматривало Пушкина как занозу в глазу, и только благодаря авторитету этого поэта среди народа не прибегало к жестоким мерам против него. Хотя Пушкин и не боялся царской тирании, он, в конце концов, был одинок и бессилен. Царь начал тайно вынашивать ещё более грандиозный заговор.

В 1831 году Пушкин женился на красивой девушке Гончаловой, которая была моложе его на несколько лет; они переехали в Петербург, где Пушкин занял должность в Министерстве иностранных дел. В то же время царь поручил офицеру по имени Дантес разрушить брак Пушкина, а некоторые люди воспользовались этим случаем, чтобы очернить Пушкина.

Пушкин обладал не только бунтарским, но и поэтическим характером; всю свою жизнь он боролся за свою честь, предпочитая потерять всё, лишь бы не утратить её. Дойдя до предела терпения, Пушкин бросил вызов на дуэль, друзья Пушкина были против этого, его жена даже встала на колени, пытаясь отговорить его, а Дантес утверждал, что ухаживал за сестрой Гончаловой, а не за ней самой.

Вдохновлённый духом бунтарства Пушкин не дрогнул, но во время дуэли подлый противник нарушил правила и выстрелил первым, и таким образом великий поэт завершил свой жизненный путь.

Характер Пушкина и его творчество были проникнуты духом бунтарства, что вызвало у деспотичного царя к нему глубокую ненависть. Как поэт, он стремился к поэтическому идеалу, который стал важной составляющей его характера и личности. Сочетание этих двух аспектов определило его бунтарский и гордый характер, его жизнь, полную неповиновения властям, а также его несчастья, но именно благодаря этому он надолго остался в сердцах людей.

3. Одиночество в бунте: безумие Ван Гога

Ван Гог, великий голландский художник-постимпрессионист XIX века, был легендарной личностью, отличавшейся абсурдным поведением, уникальными, пугающими и поразительными манерами, страстным стремлением к искусству и неповторимым стилем живописи. Сезанн называл его «сумасшедшим». Итальянский критик Вендури-младший считал: «Ван Гог оказал огромное влияние на последующие течения — фувизм и экспрессионизм; его художественные достижения сыграли для последователей более важную роль, чем творчество Мане и Сезанна».

Последняя картина Ван Гога, написанная им перед самоубийством, — «Портрет Аделины Ревоки» — была продана на аукционе Christie's в Нью-Йорке за 13,75 млн долларов, однако при жизни этот великий художник был практически никому не известен. Длительная бедность, болезни и дискриминация серьезно подорвали его здоровье. Не утихающая тоска и уныние привели его к психическому расстройству. Помимо искусства, он не получал ни капли человеческого тепла. В конце концов, он решительно положил конец своей короткой, но драгоценной жизни.

30 марта 1853 года Ван Гог родился в небольшом городке в провинции Брабант на севере Нидерландов. Его отец, священник, очень хотел, чтобы сын пошёл по его стопам. Ван Гог был замкнутым человеком, не любил общаться с людьми, но с детства проявлял художественный талант. Отец отправил его учиться в школу-интернат, расположенную недалеко от города. В школе он любил в одиночестве собирать образцы растений и насекомых.

В 1869 году из-за бедности семьи Ван Гог был вынужден покинуть школу и устроился младшим клерком в художественную фирму «Губир» в Гааге. Он был честным и надёжным, умным и трудолюбивым, и вскоре стал образцовым сотрудником; после повышения его направили в лондонский филиал.

В Лондоне он влюбился в дочь домовладельца Урсулу, которая работала в пригородном магазине кукол и подрабатывала няней в детском саду. Ван Гог был безраздельно влюблен в неё и считал её красавицей, не имеющей себе равных.

Ван Гог был некрасивым мужчиной: у него были рыжие волосы, большой нос, высокие скулы, а под сдвинутыми густыми бровями скрывались глубоко посаженные маленькие зелёные глаза, придавшие его лицу свирепое выражение; лоб был покрыт морщинами, а при ходьбе он сгорбился, словно маленький старик. Такое лицо, естественно, не могло понравиться девушке, и Урсула с презрением отвергла его ухаживания. Первая любовь Ван Гога разбилась вдребезги, и он с тяжелым сердцем покинул Лондон.

В 1876 году, проработав шесть лет, Ван Гог был уволен владельцем художественной галереи, который считал его слишком нервным и чувствительным; это еще больше усугубило его страдания, а череда таких ударов заставила его еще более твердо придерживаться своих взгля-

дов, становиться все более неортодоксальным, поступать вопреки общепринятым нормам и удивлять окружающих.

Весной 1876 года Ван Гог преподавал французский язык в школе в лондонском трущобном районе. Все ещё влюблённый в Урсулу, он отправился на поиски Урсулы, но к тому времени она уже вышла замуж. Отчаявшийся Ван Гог не имел желания продолжать учебу и принял приглашение методистского священника заняться благотворительной деятельностью в трущобах Уайтчепера. Став свидетелем бедственного положения нищих, он впервые почувствовал желание выразить свои чувства с помощью живописи. Его младший брат Тео посоветовал ему заняться живописью, но он внезапно решил стать священником, как его отец, и поступил в Брюссельскую духовную семинарию.

В 1878 году он проповедовал в одном из южных шахтерских районов Бельгии. Сочувствуя тяжелой жизни шахтеров, он учил детей читать, утешал стариков, ухаживал за больными. В то время бушевала эпидемия, но, не заботясь о собственной безопасности, он защищал рабочих, предпочитая спать на мешках с сеном и отдавая бедным свою одежду, еду и посуду. Такое поведение, выходящее за рамки принятых норм, возмутило церковь, и его уволили.

В 1880 году 27-летний Ван Гог начал учиться рисовать; он ходил в музеи, чтобы копировать картины Рембрандта и других художников. В то время он с трудом сводил концы с концами, полагаясь на помощь младшего брата, работавшего в художественной лавке; иногда ему приходилось утолять голод каштанами, и длительная экономия на всем привела к тому, что его здоровье постепенно ухудшалось.

В 1881 году он прожил полгода с родителями; он признался в любви своей недавно овдовевшей двоюродной сестре, но получил отказ. В это время его взгляды на религию также изменились: он отказался от своих религиозных поисков. После этого он отправился в Гаагу, чтобы учиться живописи у своего двоюродного брата Моувейя, но не был удовлетворён его классическим методом обучения, заключавшимся в том, чтобы заставлять его постоянно рисовать гипсовые скульптуры, и в конце концов уехал. В письме к младшему брату он писал: «Я хочу рисовать человеческую природу! Человеческую природу! Именно человеческую природу!»

Однажды он увидел на улице несчастную беременную женщину, привёл её домой и взял в модели. Эта женщина была пьянствующей и уродливой проституткой. Ван Гог жил на копейку ради неё и обещал жениться на ней, как только разбогатеет; он заботливо ухаживал за её младенцем, но женщина крада у него деньги, чтобы пить и развлекаться. Его брат попытался его остановить, и он ушёл от неё. Ван Гог написал ей письмо: «Прощай. Хотя я и не верю, что ты изменишься, ты должна быть хотя бы честной. Даже если ты всего лишь несчастная проститутка, но раз у тебя есть ребенок, ты — настоящая мать».

В 1885 году Ван Гог поступил в Антверпенскую академию художеств, но она его сильно разочаровала. Однажды, рисуя скульптуру Венеры, он нарисовал ей толстые ноги, что сильно разозлило преподавателя, и его выгнали из академии.

В то время он болел брюшным тифом; Ван Гог, страдавшему от бедности и болезни, было уже 33 года. Тогда он отправился в Париж, чтобы обратиться за помощью к брату. В Париже он познакомился с группой художников-импрессионистов; у Гогена он изучил технику Писсарро, перенял яркие цвета импрессионистов и их подход к передаче естественного света, а также стал использовать романтический метод выражения мыслей и чувств с помощью цвета.

Вскоре он прибыл в город Ар на юге Франции, поселился в небольшой гостинице и с неистовой страстью рисовал, порой создавая за день более десяти картин маслом; во время работы Ван Гог часто находился в состоянии сильного волнения. Помимо кистей, он использовал пальцы, мастихины, а иногда просто выдавливал краску из тюбиков прямо на холст.

Он долгое время жил на дне общества и испытывал глубокое сочувствие к бедным и несчастным. Однажды он сказал: «Я хочу выразить в своих работах волнения, которые испытывает обычный человек». Ван Гог пригласил Гао Гэна жить здесь вместе с ним.

Гао Гэн был высокомерным и презирал окружающих, с ним было трудно ужиться; с самого начала он постоянно высмеивал живопись Ван Гога и часто подшучивал над его неудачами в любви, одновременно завидуя его таланту; между ними часто возникали ссоры. Но Ван Гог, по натуре простодушный, добродушный и добрый, всегда проявлял терпение и первым предлагал примирение.

Однажды Гао Гэн подговорил его пойти в публичный дом, заранее подкупив проститутку, чтобы она публично унизила Ван Гога. Ван Гог пришел в ярость, устроил с Гао Гэном громкую ссору и в гневе ушел. Позже Гао Гэн снова подкупил проститутку, чтобы она поиздевалась над Ван Гогом. Она сказала Ван Гог: «Если дашь мне пять франков, я хорошо тебя приму, а если нет, то подари мне свое ухо в качестве рождественского подарка».

Находясь в состоянии легкого опьянения, Ван Гог отрезал себе правое ухо острым бритвенным лезвием, затем завернул его в кусок холста и послал в бордель. Увидев ухо, проститутка испугалась и упала в обморок, а самого Ван Гога доставили в больницу.

В мае 1889 года брат Ван Гога поместил его в психиатрическую лечебницу в Сен-Реми, а позже перевёл в более благоприятную лечебницу в Овире. Он оставил свои любимые краски и мольберт, и на полях возле больницы Ван Гог написал 150 картин маслом и сотни набросков. К этому времени его стиль значительно изменился, а цвета стали не такими яркими. Он был особенно очарован золотистыми пшеничными полями под палящим солнцем и целыми днями рисовал эти пейзажи, восклицая в адрес зрителя: «Золотистый цвет, такой прекрасный золотистый цвет!» Этот великолепный золотистый цвет захватил всё его существо.

Однажды днём 27 июля 1890 года в приступе галлюцинаций он увидел своего отца, а также Эурелию и шахтёров под деревом у церковного кладбища; он понял, что сошёл с ума. Он воскликнул: «Это невозможно!» Он выстрелил себе в живот из пистолета, а затем, прижимая руку к ране, с трудом доковылял до маленькой гостиницы, где жил. На грани смерти он мельком увидел 13-летнюю дочь хозяина гостиницы, Аделину Ревокс, стоявшую на балконе; она выглядела очень трогательно.

Ван Гог вернулся в свою комнату и, терпя невыносимую боль, нарисовал её портрет. Он продержался два дня, страдая от невыносимой боли, но ни разу не вскрикнул. Перед смертью он ещё обсуждал искусство со своим братом Тео, а в последний миг у него во рту осталась зажженная трубка. Ему было 37 лет. Он был похоронен в Овире, где его близкие друзья и врачи посадили его любимые подсолнухи, чтобы утешить эту великую душу. Тео, всегда горячо любивший своего брата, не выдержал этого тяжёлого удара и через полгода умер в родном городе от безумия; позже его похоронили рядом с могилой брата, чтобы он навсегда остался рядом с ним.

Без сомнения, Ван Гог был исключением в этом мире, однако его неконформизм и необычность были вызваны именно равнодушием и бездушием общества, лишённого любви и понимания. Ван Гог бунтовал в одиночестве и был одинок в своем бунте; он мучил свои чувства, бичевал собственную душу, но именно из этой боли черпал вдохновение для своего творчества. После его смерти его картины наконец получили признание, и все его произведения продаются на рынке искусства по заоблачным ценам. Люди с ностальгией вспоминают этого эксцентричного «сумасшедшего» художника и признают его талант, но вся эта слава пришла слишком поздно.

4. Бунтарский характер, но отвергнутая королевской семьёй — Диана

Диана превратилась из наивной и беззаботной девушки в королевскую принцессу. Но её бунтарский характер обрек её на то, что она не соответствовала требованиям королевской семьи. Она бросила вызов светским нормам и «строгим правилам» королевского двора; она хотела быть принцессой народа, а не принцессой королевской семьи, и этот бунтарский характер повлиял на всю её жизнь. Именно он привёл к тому, что она преждевременно завершила свой жизненный путь.

До того как Диана стала принцессой Великобритании, о ней никто не знал; став принцессой, люди не только узнали, что она принцесса, но и поняли, что она красавица. Однако у неё от природы был бунтарский характер, и она бросила вызов общепринятым нормам и «строгим правилам» королевской семьи.

Красота, конечно, — это хорошо, но иногда она приносит удачу, а иногда — и неприятности. Все, что пришлось пережить Диане за свою короткую жизнь — роскошь и богатство, любовные перипетии, несчастья и удачи — подтверждает это. Достоинство и святость королевской семьи, широкий резонанс в современных СМИ и врождённая красота сформировали всю сущность Дианы, но в то же время принесли ей несчастья и неудачи, которые другие люди не могли себе представить.

Путь Дианы от неискушенной в жизни невинной девушки до принцессы, на которую были устремлены взоры всего мира, и, наконец, до открытого разрыва с королевской семьёй и развода с принцем Чарльзом — этот необыкновенный путь ярко свидетельствует о ярко выраженной её характере. Люди слишком часто сосредотачивают внимание на её нежности, очаровании и покладистости, упуская из виду другую сторону её характера — бунтарскую. Бунтарство и нежность кажутся несовместимыми, как огонь и вода, но в Диане они ярко сосредоточились, составив основную суть её короткой жизни. Именно слияние этих двух черт характера привело к величию и несчастью Дианы. Если бы она была «гадким утенком» или «Золушкой», она наверняка не стала бы принцессой и избежала бы многих жизненных несчастий и неудач. Будучи принцессой, Диана действительно наслаждалась недостижимыми для других богатством и роскошью, но цена, которую она за это заплатила, была невообразимой для обычного человека. Если бы у неё не было бунтарского характера, если бы она подчинилась строгим правилам королевского двора, смирилась со своей судьбой и не боролась с реальностью, то даже если бы она по-прежнему оставалась фигурой, привлекающей внимание всего мира, представления и оценки людей о ней, возможно, не были бы такими, какими они являются сегодня.

В детстве Диана была слабохарактерной. В раннем детстве развод родителей нанёс ей огромную душевную травму. Тогда Диане было всего 6 лет. В поместье Диану и её брата воспитывал отец. Она часто проводила с братом темные ночи и научилась заботиться о нём и о других людях. Эти болезненные воспоминания оставили в душе Дианы чрезвычайно глубокий след. Она однажды сказала своей няне, что, когда вырастет, ни за что не разведется и не позволит своим детям испытать ту же боль, что и она сама. Однако жизнь распорядилась иначе: повзрослев, она все же развелась со своим мужем, перенесла свои болезненные переживания детства на своих двоих родных детей. Таким образом, в детстве Диана не отличалась тем ярко выраженным бунтарским характером, которым она прославилась впоследствии; напротив, она была очень мягкой и уступчивой.

Диана обладала прекрасными качествами, и её готовность помогать другим во время учебы в школе принесла ей почести — она неоднократно получала похвалу от школьной администрации. Увидев, что успеваемость Дианы была средней, отец отправил её и её сестру учиться в школу этикета в Швейцарии, но Диана пробыла там всего две недели, и единственным навыком, который она там приобрела, было катание на лыжах.

Покинув школу, Диана стала по-настоящему «безработной молодой девушкой». Она убеждала родителей и в одиночку отправилась в Лондон, чтобы зарабатывать на жизнь. Диана умела держать себя в руках: она не курила, не пила и не имела других вредных привычек или увлечений. Диана вела целомудренный образ жизни: до знакомства с принцем Чарльзом у неё даже не было официального парня, и она не имела представления о сексуальной жизни. В то время она была ещё невинной и беззаботной девушкой.

Случайная встреча Дианы с принцем Чарльзом произвела на эту девушку, у которой только-только пробуждались первые романтические чувства, чрезвычайно глубокое впечатление. В то же время 19-летняя Диана также завоевала симпатию принца Чарльза.

29 июля 1981 года принц Чарльз и Диана устроили необычайно пышную «свадьбу века», на которую было потрачено почти 1 миллиард фунтов стерлингов. После свадьбы Диана официально стала членом королевской семьи. Превращение обычной девушки в принцессу означало не только изменение статуса, но и то, что каждое её действие стало не личным делом, а отражением имиджа королевской семьи. Диана занимала довольно высокое положение среди женщин британской королевской семьи: после королевы Елизаветы и королевы-матери она занимала третье место в иерархии принцесс. Каждое её действие не было личным поступком, она должна была следить за своим имиджем, поскольку каждое её движение отражало имидж британской королевской семьи. Беззаботной девушке внезапно пришлось подчиниться множеству королевских правил и предписаний, и ей было чрезвычайно трудно без единой ошибки соблюдать все эти совершенно незнакомые ей «правила и предписания». Диана обладала красотой, изяществом и собственным характером, и ее несоблюдение королевских правил неизбежно приводило к конфликтам с королевской семьей. Перед ней стоял выбор: либо «отказаться» от своей врожденной индивидуальности и прежних жизненных привычек, подчиниться королевским правилам и стать покорной, «образцовой» принцессой; либо сохранить свою индивидуальность, стремиться к подлинному «я» и стать «бунтарской» принцессой.

Сначала, в течение довольно длительного времени, Диана решила приспособиться к королевской семье, сдерживала свои эмоции, училась менять свой характер и стремилась стать той образцовой принцессой, которую от неё ожидали. Однако, став принцессой, она мгновенно превратилась в всемирно известную звезду. Внимание со стороны различных СМИ к ней намного превзошло её ожидания, и ни один её шаг не ускользал от глаз журналистов. Такая жизнь казалась ей душающей.

До того, как Диана стала принцессой, в её представлении Чарльз был не только элегантным и красивым, но и овеянным ореолом святости и таинственности; она мечтала о браке, подобном тому, что бывает в сказочном королевстве. Однако после свадьбы принц, которым она так восхищалась, превратился в обычного мужчину, и его недостатки стали проявляться один за другим; цель этого брака ещё больше охладила её сердце. Поэтому после свадьбы Диана очень скоро обнаружила, что в семье, как и при дворе, нет той теплоты, на которую она надеялась. Особенно её огорчало то, что любовь принца, который был намного старше её и на которого она возлагала безграничные надежды, оказалась не такой глубокой и страстной, как она ожидала.

Несмотря на это, Диана все же старалась приспособиться к многочисленным правилам королевской семьи и добросовестно посещала различные светские мероприятия, однако ей так и не удавалось избавиться от своих собственных взглядов и привычного образа действий.

Факты доказали, что подход Дианы был правильным: ей удалось добиться перед общественностью такого успеха, которого никогда не достигали другие члены королевской семьи, что свидетельствовало о том, что она шла вразрез с установленными королевским двором нормами поведения. С другой стороны, её «неприспособление» к королевской семье, а также поведение и высказывания, свидетельствовавшие о «презрении» к королевским правилам, не только «сильно разочаровали» членов королевской семьи, но и вызвали бурные обсуждения даже среди служащих при дворе. Если она не сможет принять всё, что связано с королевской семьей, изоляция и обвинения будут неизбежны. Однако, учитывая её бунтарский характер, она ни за что не станет противно своей воли подчиняться строгим правилам королевского двора.

Никто не был так разочарован характером и личностью Дианы, как Чарльз; после рождения их второго ребенка отношения между ней и принцем достигли точки, когда примирение

стало невозможным. Диана была вынуждена жить в двух мирах: при дворе, где всё подчинялось строгим правилам и распорядку, а график был заполнен до предела, и она, по сути, не могла распоряжаться своей жизнью. Диана была похожа на «канарейку» в клетке: благородная, но лишённая свободы. А за пределами двора она уже стала самой яркой звездой в мире; особенно в том, что касалось одежды и причёсок, она буквально заставляла трепетать сердца всех молодых дам по всему миру, увлечённых модой. Казалось, что Диана — это и есть мода, это и есть тренд.

Поступки Дианы всё больше вступали в противоречие с правилами королевской семьи. В британской королевской семье, известной своей консервативностью, даже самые обычные и нормальные, с её точки зрения, поступки не находили понимания. Например, когда её дети участвовали в спортивных соревнованиях, она, как обычная мать, бежала босиком к финишу; она лично ходила в магазины одежды, чтобы выбирать наряды для детей. Она давала детям такое образование, которого в королевской семье никогда не было, стремясь помочь им по-настоящему понять общество и жизнь. Все это шло вразрез с традициями и правилами королевской семьи. Как принцесса может вести себя как обычный человек? Королевская семья этого не понимала и тем более не могла терпеть. Королевская семья не могла терпеть такую принцессу с ярко выраженным бунтарским характером, а стремящаяся к свободе Диана, естественно, не могла принять все эти королевские предписания. Когда эти предписания в конечном итоге перестали действовать на Диану, она, естественно, покинула двор, который для неё был похож на «холодный дворец».

Бунтарский характер Дианы проявлялся во дворе во многих аспектах, и одним из наиболее заметных был её стиль одежды. Диана уже давно «нарушила» неписанные правила двора, касающиеся одежды женских членов семьи. Её наряды были разноцветными и разнообразными по фасону: от туфель и сумочек до шляп и платьев — с головы до ног всё было неповторимо. Что касается стиля одежды, то она полностью отбросила все королевские правила: у неё были не только величественные и роскошные вечерние платья, но и множество оригинальных и изысканных нарядов; Диана не отказывалась даже от сексуальной одежды, к которой некоторые представительницы королевской семьи не осмеливались или не могли прикоснуться, и фотографии, на которых она была запечатлена в бикини, стали уже привычным явлением.

Свобода в выборе одежды Дианы ярко отражала её бунтарский характер, и это уже не соответствовало образу принцессы британской королевской семьи. Особенно те смелые и откровенные наряды, которые явно были неприемлемы для членов британской королевской семьи. В гардеробе Дианы подобных нарядов было гораздо больше, чем один или два. Своим бунтарским характером и конкретными бунтарскими поступками она бросала вызов традициям и королевской семье. В своей одежде Диана демонстрировала свою женственность, одновременно отражая свой бунтарский характер. Выбирая между самореализацией и женской природой, Диана не обращала внимания на ограничения королевской семьи. В вопросах прав и обязанностей она в конечном итоге также выбрала себя, и именно её бунтарский характер привел к тому, что она все больше отдалялась от королевской семьи.

28 февраля 1996 года Диана и принц Чарльз официально развелись. Та громкая свадьба века, которая состоялась в том же году, завершилась разводом, вызвавшим огромный резонанс. После развода Диана оставалась такой же очаровательной, как и раньше, её шарм не угас, а внимание со стороны СМИ ничуть не ослабло — все средства массовой информации, как и прежде, следили за каждым её шагом. Покинув двор, Диана смогла реализовать себя, свободно распоряжаться своей жизнью и посвятить всю свою любовь и энергию благотворительности и общественным делам. Еще до развода Диана была не только «международным послом моды», но и известным «послом доброй воли»: она сотрудничала с более чем 100 благотворительными организациями и в течение 13 лет занимала должность вице-президента Международного Красного Креста. Её следы остались во многих уголках мира.

В 1989 году, во время визита в США, Диана в одной из больниц крепко прижала к груди семилетнего мальчика, больного СПИДом. Все присутствующие были глубоко тронуты этим жестом. После развода она, представляя Международный Красный Крест, прибыла в измученную войной Анголу и пешком прошла вглубь района, где от мин погибло уже 70 тысяч человек, чтобы оказать поддержку пострадавшим. Этот смелый поступок Дианы вновь вызвал сенсацию и был высоко оценен со всех сторон; неудивительно, что Нобелевский комитет выдвинул её кандидатуру на получение Нобелевской премии мира того года. Разве все эти поступки могли быть делом рук королевской принцессы? Тем более — королевской принцессы из числа тех консервативных представительниц королевской семьи.

Если говорить о том, что бунтарский дух Дианы проявился в её открытом разрыве с королевской семьёй, то её неповторимая женская нежность нашла выражение в её любви и доброте. Она всегда встречала публику красивой и искренней улыбкой, даря свою любовь тем, кто нуждался в помощи. Однажды Диана помогла девочке, страдавшей неизлечимой болезнью. Однажды, когда девочка с матерью пришла в больницу на обследование, мать забыла взять с собой нижнее бельё. Диана сразу же одолжила этой женщине своё нижнее бельё и поручила своим людям отвезти сменную одежду матери к себе домой для стирки. В 1997 году она выставила на аукцион 79 своих роскошных вечерних платьев, а вырученные 3,2 миллиона долларов полностью пожертвовала ассоциациям по борьбе со СПИДом и раком. Подобных поступков можно привести бесчисленное множество, и то, что Диану называли «принцессой народа», стало отражением её успеха. От «бунтарской принцессы» до «принцессы народа» — это, казалось бы, простое изменение титула, но на самом деле оно раскрывает вопрос с очень глубоким смыслом: народ — это народ, а королевская семья — это королевская семья, и эти два понятия нельзя ставить в один ряд; эта смена титула косвенно отражает характер Дианы.

Диана всегда оставалась в центре внимания, и это было вне её контроля. Красавица Диана, как и в молодости, имела множество поклонников. Однако её отношения с мужчинами сопровождались слишком многими проблемами. Когда Диана влюбилась в Доди Файеза, сына миллиардера, журналисты, специализирующиеся на сборе сенсационных новостей и скандалов о знаменитостях, начали преследовать и осаждать эту пару; Диана оказалась практически в безвыходном положении, из которого не было спасения.

31 августа 1997 года, пытаясь уйти от преследования журналистов, автомобиль, в котором ехали Диана и Доди, мчался на высокой скорости, в результате чего произошла авария, и Диана, к сожалению, погибла.

Диана превратилась из наивной и беззаботной девушки в королевскую принцессу. Но её бунтарский характер предрешил, что она не станет принцессой, соответствующей требованиям королевского двора, а станет принцессой народа; и именно этот бунтарский характер привёл к тому, что она преждевременно завершила свой жизненный путь. Однако её жизнь была потрясающей; можно сказать, что это была великая и полноценная жизнь.

5. «Странный человек» вовсе не странный: он говорит правду, не глядя на чувства других

Когда речь заходит о Гу Хунмине, в воображении людей всегда возникает следующий образ: человек, идущий по территории Пекинского университета в атмосфере «Новой культуры» движения «5-го апреля», с длинной косой и одетый в длинную робу и магу. Гу Хунмин всегда был олицетворением таких терминов, как «консерватизм» и «противодействие Новой культуре», встречающихся в школьных учебниках. Однако на самом деле он был эрудитом, владевшим как восточной, так и западной культурой, имел собственные взгляды и всегда отстаивал свою точку зрения — именно в этом заключалась его бунтарская и принципиальная сторона характера.

Пекинский университет в период вокруг «Дня 4 мая» был самым оживлённым центром культурной и образовательной жизни; здесь чрезвычайно активно развивались различ-

ные научные направления как западные, так и восточные. Ректором Пекинского университета в то время был Цай Юаньпей. Он выступал за академическую свободу, за просветительский дух и принцип «включения и объединения», не отвергая никого из приходящих. В то время сюда стекались представители самых разных течений: среди преподавателей были такие деятели нового направления, как Ху Ши, Чэнь Дусю, Лу Синь и Чжоу Цзорен, а также ретрограды, твердо отстаивавшие китайские традиции, такие как Лю Шипэй и Гу Хунмин.

Несомненно, в той ситуации верх брали силы нового направления, но Гу Хунмин не испугался этого и остался верен себе: даже когда на него обрушились все как один, он оставался непоколебимым, не вписываясь в рамки Нового культурного движения, что полностью соответствовало его бунтарскому характеру.

Гу Хунмин благодаря своим эксцентричным поступкам стал одной из самых противоречивых фигур, произведших фурор в Пекине в 1910-е и 1920-е годы. Его книга «Дух китайца», написанная на английском языке, оказала глубокое влияние на западный мир. Роман Ролан говорил, что он «очень известен на Западе», а Брандос называл его «важнейшим писателем современного Китая».

В 1856 году Гу Хунмин родился в бедной семье китайских эмигрантов на острове Бинлан. В возрасте восьми-девяти лет он отправился учиться в Англию в сопровождении одного священника, а позже получил степень магистра гуманитарных наук в Эдинбургском университете; в тот год ему было двадцать три года. Впоследствии он поочередно учился в Германии, Франции, Италии и Австрии, получив в общей сложности 13 докторских степеней в области гуманитарных наук, философии, естественных наук, инженерии и теологии, что является крайне редким явлением даже среди многочисленных эрудированных и талантливых китайских учёных. Он в совершенстве владел английским, французским, немецким, итальянским, японским, русским, греческим языками, а также латынью. Его исследования западной культуры достигли высочайшего уровня.

Он был не только языковым гением, но и ученым-мастером, глубоко проникнувшим в западную и восточную культуру. В отеле «Люминь» на улице Дунцзяоминь он прочитал лекцию на английском языке под названием «Дух китайца»; вход был по билетам, каждый из которых стоил два юаня, что нарушило старую традицию, согласно которой на лекции ученых билеты не продавались. На лекцию Гу Хунмина пришло множество иностранцев, проживающих в Пекине, и зал был заполнен до отказа.

Он преподавал британскую литературу в Пекинском университете. Когда он читал лекции по британской поэзии, произведения поэтов, которые он цитировал, сыпались с его уст без заминки, и при сверке с поэтическими сборниками не было ни малейшей ошибки. Его поразительная память вызывала восхищение у многих, в том числе и у его противников. По воспоминаниям писательницы Лин Шухуа, даже в пожилом возрасте Гу Хунмин мог публично процитировать наизусть тысячу строк из «Потерянного рая» Милтона без единой ошибки, что доказывает его поистине необыкновенный талант.

На лекциях он чувствовал себя свободно, говорил о чём угодно, приводил многочисленные примеры из самых разных источников, был полон юмора и иронии — можно сказать, что и смех, и гнев, и насмешки у него превращались в литературные произведения. Он отвечал на вопросы по английскому языку на китайском, а на вопросы по китайскому — на английском, вставляя при этом фразы на латыни, французском и немецком; его безграничная эрудиция, обширный жизненный опыт, оригинальные взгляды и острые рассуждения оставляли всех в полном изумлении. Его лекции пользовались огромной популярностью, и аудитории всегда были переполнены.

Он был также эксцентричным человеком: когда речь заходит о Гу Хунмине, в первую очередь вспоминается его коса, которая после провозглашения Китайской Республики считалась уникальным явлением в интеллектуальных кругах Пекина. В эпоху Китайской Республики

он оставался убежденным монархистом. На территории кампуса Пекинского университета он носил шляпу «гуапи», квадратный магоу, косу с красным кисточкой и туфли с двумя лицевыми сторонами. Такой наряд при чтении лекций по английской литературе неизбежно выглядел комично; с сегодняшней точки зрения это, без сомнения, было неординарно, авангардно и, более того, вызывало восхищение.

Однажды недавно принятый на работу в Пекинский университет британский профессор увидел в комнате отдыха для преподавателей старика в длинной мантии и квадратном маго, опирающегося на трость и сидящего на диване, как будто собирающего силы. Этот англичанин поинтересовался у слуги в комнате отдыха, кто этот старик с косичкой, которую англичане пренебрежительно называют «pig tail» (свиной хвост)?

Гу Хунмин завязал с ним разговор и, узнав, что тот преподаёт английскую литературу, перешёл на латынь. Профессор оказался в довольно неловком положении, поскольку не смог ответить, и Гу Хунмин с сожалением заметил: «Если вы даже не можете говорить по-латыни, как вы собираетесь преподавать английскую литературу?» Не обращая внимания на чувства профессора, он развернулся и ушёл.

Его взгляды во многом противоречили идеям «Новой культуры», провозглашавшимся в то время, поэтому его всегда считали «чужаком». Одна иностранная дама, не соглашаясь с его поддержкой практики многоженства, прямо спросила его: раз вы считаете, что мужчина может жениться на четырёх женах, то разве женщина не может иметь четырёх мужей? Гу Хунмин ответил ей: «Уважаемая госпожа, существует только чайник, к которому подходят четыре чашки, но не бывает чашки, к которой подходили бы четыре чайника».

Он однажды заметил, что Цай Юаньпей, став членом Академии ханьлинь при династии Цин, присоединился к революции, продолжал бороться за неё вплоть до провозглашения Китайской Республики и продолжает бороться за неё по сей день — это действительно замечательно. Он сказал, что и сам, с тех пор как стал помощником Чжан Чжидуна, оставался сторонником монархии, продолжал поддерживать её вплоть до Синьхайской революции и до сих пор остаётся её сторонником — это тоже замечательно. Поэтому он заявил, что в Китае только они двое могут служить примером для подражания.

Вся жизнь Гу Хунмина прошла в постоянном противостоянии. То, что признавали все, он отвергал; то, что нравилось всем, ему не нравилось; то, что почитали, он презирал; то, чем никто не интересовался, он хотел попробовать — стремление отличаться от других стало для него источником радости и гордости.

Когда Циси отмечала свой день рождения и весь народ поздравлял её, он публично обвинил: «Бесконечный долгий век — беда для народа». У него были свои чёткие критерии добра и зла, но при этом он был до мозга костей монархистом, как он сам и говорил, «достойным подражания».

После победы Синьхайской революции, падения цинского правительства и отречения императора он завязал себе косичку и стал монархистом. После реставрации Чжан Сюня он несколько дней занимал должность в министерстве иностранных дел Чжан Сюня; после падения Чжан Сюня он продолжал поддерживать с ним тесные связи и даже подарил ему пару куплетов: «Лотос увял, и больше нет сень, поддерживающей небо, но у увядшей хризантемы ещё есть ветви, гордо противостоящие морозу». Во время Движения 4 мая он вместе с Линь Циньнанем и другими ретроградами стал одним из главных противников новой культуры и разговорного языка.

Многие вещи, которые многие называли «отбросами китайской культуры», он, напротив, горячо восхвалял. Он открыто выступал за принятие наложниц, утверждая, что иероглиф «наложница» состоит из двух иероглифов — «стоять» и «женщина» — и, подобно спинке стула, служит для отдыха; из этого он делал вывод, что нужно жениться на наложнице. Он открыто восхвалял обрезанные ноги, прославляя их красоту, и говорил, что не может писать

статьи, но стоит только упомянуть обрезанные ноги, как к нему приходит вдохновение. И хотя все это в то время считалось феодальным отбросом, который следовало искоренять, Гу Хунмин отстаивал каждую из этих идей, и даже сам признавал, что он — «сумасшедший Гу».

Его высказывания были полны шуток и язвительных замечаний, шокируя слушателей; его поведение было нелепым и причудливым. Он стал предметом разговоров за столом после обеда и за чашкой чая, он стал общеизвестным чудаком, но это было лишь внешней стороной его личности.

Видя, как в конце династии Цин и в период Китайской Республики многие люди из прежнего завышенного самолюбия впали в чувство неполноценности и самоуничижения, а то и вовсе стали преклоняться перед Западом и подражать ему, Гу Хунмин был крайне возмущён. Ему не оставалось ничего другого, как пойти по противоположному пути: он превозносил китайскую культуру и решительно осуждал западную: «Англичане обладают обширными знаниями, но не глубиной, немцы — глубиной, но не обширностью; только Китай обладает и тем, и другим».

Он также говорил:

«Американцы, изучая китайскую культуру, могут понять её глубинный характер; англичане, изучая китайскую культуру, могут понять её величественный характер; немцы, изучая китайскую культуру, могут понять её простой характер; французы, изучая китайскую культуру, могут понять её тонкий характер».

Поэтому Гу Хунмин стремился популяризировать китайскую культуру на Западе, что, возможно, было опровержением идеологии слепого подражания Западу. Переведённые им «Средний путь», «Луньюй» и его труды «Дух китайца» (также известные как «Великие принципы „Весны и осени“») оказали огромное влияние за рубежом; в Германии и Великобритании даже существовали клубы, специально посвящённые его творчеству, что, можно сказать, стало его вкладом в китайскую культуру. Его бунтарство, в первую очередь, было направлено против чрезмерного отрицания традиционного духа Китая со стороны Движения за новую культуру; но ещё в большей степени оно заключалось в стремлении познакомить мир с Китаем. Его смелость смотреть на всё свысока и стоять на равных с кем угодно вызывает уважение, а его решимость отстаивать то, чем презирали ученые-нововцы, свидетельствует о огромном мужестве.

Глава 4. Люди с подозрительным характером

В поведении людей с таким характером практически нет ничего достойного похвалы. Люди с подозрительным характером от природы мнительны и во всём видят угрозу. Они эгоцентричны, ничему не доверяют, часто «судят о благородных по своим низким меркам» и отвечают злом на добро. Если применять подозрительность в межличностных отношениях, это станет началом пути к провалу, ведь подозрительность — это эгоизм, который приведёт к потере всех друзей и доверия окружающих.

Самим мнительным людям тоже нелегко: они часто чувствуют угнетённость, из-за чего находятся в состоянии сильного нервного напряжения. Поэтому многие из них склонны к уединению и замкнутости; дойдя до такой степени, они начинают крайне отталкивать окружающих и отвергать возможности.

1. Подозрительность и ревность вредят самому себе

Цао Цао (155–220 гг.), известный как император Ву ди из династии Вэй. Влиятельный чиновник в конце Восточной Хань, политик, полководец и поэт эпохи Трёх царств. По имени — Мэнде, родом из уезда Цяо страны Пэй (ныне город Бочжоу, провинция Аньхой). Его отец, Цао Сун, был приёмным сыном евнуха Цао Тэна; несмотря на то что он дослужился до должности Тайвэя, его по-прежнему презирали представители аристократических родов. Цао Цао сначала был выдвинут в качестве «почтенного и честного» чиновника, занял должность уездского префекта северной части Лояна, а затем был переведён на должность уездского префекта Дуныцю. Позже, во время подавления восстания «Жёлтых повязок» и войны против Дун Чжао, он был назначен одним из «восьми военачальников Западного сада» — «командующим войсками», — и постепенно наращивал свои военные силы. Впоследствии, из-за узурпации власти Дун Чжао, он бежал из Лояна в Чэньлюй (ныне к юго-востоку от Кайфуна, провинция Хэнань), раздал свое имущество, собрал войско из пяти тысяч человек и вместе с войсками восточных провинций и округов во главе с Юань Шао выступил против Дун Чжао. В то время все войска боялись Дун Чжао и не смели выдвигаться вперёд, только Цао вышел в бой; Дун Чжао бежал на запад, и Юань Шао назначил Цао провинции Дун.

В середине периода Цзяньань Цао Цао «использовал императора, чтобы командовать феодалами», захватив политическую инициативу; в знаменитой битве при Гуанду он, превосходя по численности противника, одержал победу, нанеся сокрушительное поражение Юань Шао, восстановил контроль над ухуанами и практически объединил Север.

В тринадцатом году эпохи Цзяньань Цао Цао был повышен до должности канцлера и повел войска на юг. Как раз в это время в Цзинчжоу умер от болезни Лю Бяо, и его сын Лю Цун сдался. Цао Цао продвинулся к Цзянлиню, двинулся вниз по течению реки Янцзы и вступил в сражение с объединёнными войсками Сунь Цюаня и Лю Бэя у Циби. В то время условия для объединения Севера и Юга были далеко не созревшими: северные войска, преодолевшие долгий путь, не привыкли к местному климату и питанию, и многие из них страдали от болезней; а солдаты из Цзинчжоу, сдавшиеся в плен, испытывали опасения и не хотели сражаться изо всех сил.

К тому же Цао Цао, гордясь и недооценивая противника, потерпел сокрушительное поражение под огнём объединённых сил и был вынужден отступить (битва при Циби). С тех пор он сосредоточился на укреплении власти на Севере, подавлении оппозиционных сил при дворе и продолжении уничтожения остатков северных сепаратистских сил. В шестнадцатом году Цзяньань он подавил восстание Ма Чао и Хань Суй в районе Гуаньлун; четыре года спустя он заставил сдаться Чжан Лу из Ханьчжуна, тем самым полностью подготовившись к замене династии Хань. В этот период он несколько раз нападал на Сунь Цюаня и Лю Бэя, но возвращался без успеха. В 18-м году эры Цзяньань Цао Цао был возведён в звание князя Вэй, осно-

вал государство Вэй и установил столицу в Е. Государство Вэй владело территорией десяти округов провинции Цзи, в нём были учреждены все должности от канцлера и ниже. Спустя три года Цао Цао был возведён в звание короля Вэй, стал использовать императорские знамена и носить императорскую корону с кисточками; его появления отличались необычайной величественностью. Хотя он номинально оставался подданным династии Хань, фактически он уже был императором; его сын Цао Пи сверг династию Хань и посмертно провозгласил его императором Вэй-Бу.

Оценка Цао Цао в последующих поколениях всегда была неоднозначной, с переменным успехом, и мнения по этому поводу расходились. Здесь, конечно, не отрицаются такие исторические факты, как то, что Цао Цао умиротворил Север, занимался строительством ирригационных сооружений, глубоко изучал военное искусство, ценил талантливых людей и был сведущ в литературе; однако он был коварным и мнительным человеком, убил немало выдающихся ученых и литераторов того времени, а по натуре был довольно жестоким и свирепым, что вызвало презрение у потомков.

Когда Дун Чжо злоупотреблял властью и сеял беспорядки, Цао Цао с помощью хитрости попытался убить его, но, к своему удивлению, был раскрыт и в панике бежал за пределы города, где его схватил уездный префект Чэнму Чэнь Гун. Выслушав рассказ Цао Цао, Чэнь Гун посчитал его героем смутного времени, решительно отказался от должности и бежал вместе с ним.

Когда они добрались до Чэнгао, уже стемнело. Цао Цао, указывая хлыстом на глубину леса, сказал Чэнь Гуну: «Здесь живёт человек по фамилии Лю, его зовут Лю Боша. Он — побратим моего отца. Давай переночуем у него». Оба сошли с лошадей у входа в усадьбу, вошли внутрь, встретили Лю Боша и объяснили цель своего визита. Лю Боша ответил: «Можете спокойно остаться в моей соломенной хижине». Сказав это, он ушел во внутреннюю комнату и только спустя долгое время вышел, обратившись к ним: «У меня дома нет хорошего вина, позвольте мне сходить и принести немного, чтобы угостить вас». С этими словами он сел на осла и уехал.

Цао Цао и Чэнь Гун просидели довольно долго, когда вдруг услышали сзади усадьбы звук точения ножа. Цао Цао заподозрил неладное: «Лю Боша не является моим близким родственником, а в этот раз он уехал уже давно и до сих пор не вернулся. Нам следует подслушать разговор его семьи». Оба тихо подошли к соломенной хижине и услышали, как кто-то внутри сказал: «Сначала связать, а потом убить, как думаешь?» Услышав это, Цао Цао пришёл в ужас и воскликнул: «Верно! Если мы не нанесём удар первыми, нас обязательно схватят». Он ворвался в дом, поднял меч и убил всех восемь членов семьи. Обыскав кухню, он обнаружил там связанную свинью, готовую к забою. Чэнь Гун сказал: «Ты переборщил, по ошибке убил невинных людей!» Оба поспешно сели на лошадей, выехали из усадьбы и ускакали прочь. Но тут же они встретили Лю Боша, возвращавшегося верхом на ослике. На седле у него висели вино и еда; увидев двоих, он спросил: «Почему вы так спешите?» Цао Цао ответил: «Мы — виновные люди, не смеем задерживаться». Лю Боша сказал: «Я уже приказал своим людям забить свинью, чтобы угостить вас обоих. Почему бы вам не остаться на ночь?» Цао Цао, имея на совести грех, не хотел возвращаться, но, не успев сделать и нескольких шагов, он обернулся, вытащил меч и срубил Лю Боша с осла.

Чэнь Гун был потрясён и спросил: «Только что ты убил человека из-за недоразумения, а зачем убиваешь сейчас?» Цао Цао ответил: «Если он вернётся домой и обнаружит, что его семья убита, он наверняка не оставит это так и приведёт людей, чтобы преследовать и убить нас. Лучше нанести удар первым». Чэнь Гун сказал: «Поступать так — слишком бесчестно». Цао Цао ответил: «Лучше я буду виноват перед всем миром, чем весь мир будет виноват передо мной». Эти слова лишили Чэнь Гуна дара речи. Позже Чэнь Гун наконец-то прозрел истинную сущность Цао Цао, ушел, не попрощавшись, и примкнул к Лю Бу. Из-за своей подозри-

тельности Цао Цао не только по ошибке убил невинного человека, но и лишился друга — это типичный пример подозрительного характера, и именно поэтому Цао Цао называют «коварным героем».

Подобным образом от руки Цао Цао погибло ещё много людей, в том числе и знаменитый врач Хуа Туо.

Однажды Цао Цао внезапно заболел странной болезнью, страдая от невыносимой головной боли; он искал известных врачей повсюду, но безрезультатно. Подчиненный Цао Цао, Хуа Синь, доложил: «Великий князь, знаете ли вы о чудотворном враче Хуа Туо?» Цао Цао спросил: «Это тот самый врач из Цзяндуна, Чжоу Тай?» Хуа Синь подтвердил и посоветовал: «Этот человек — настоящий Биан Цзе, ровесник Цан Го! Сейчас он живет в Цзиньчэн, недалеко отсюда. Почему бы Великому Князю не призвать его?» Цао Цао немедленно приказал посланцам мчаться сквозь ночь в Цзиньчэн, чтобы пригласить Хуа Туо для лечения.

Хуа Туо был известным врачом, земляком Цао Цао. С детства он тщательно изучал классические тексты и особенно хорошо разбирался в медицине. Какие бы сложные и неизлечимые болезни ни попадали к нему, в большинстве случаев он излечивал их одним лекарством. Местные чиновники и императорский тайвей, услышав о славе Хуа Туо, приглашали его на государственную службу. Но Хуа Туо каждый раз отказывался и не принимал этих предложений. Хуа Ту ставил диагнозы с поразительной точностью. Однажды двое чиновников, страдающих головной болью и лихорадкой, поочередно обратились к Хуа Ту за помощью. Выяснив подробности их состояния, Хуа Хо одному из них выписал слабительное, а другому — потогонное средство. Когда его спросили, почему при одинаковых симптомах он назначает разные лекарства, Хуа Хо объяснил: «У этой болезни внешние проявления и сущность различаются. Если болезнь находится внутри, нужно применять слабительное; если же она проявляется на поверхности, достаточно вызвать потоотделение». И действительно, после приема лекарств оба полностью выздоровели.

Хуа Хо был мастером внутренней медицины; для проведения хирургических операций он разработал анестетик «Мафейсань». Он также создал «Пять птичьих упражнений», которые можно считать самыми ранними в Китае гимнастическими упражнениями для укрепления здоровья; он внес важный вклад в развитие китайской медицины.

Однажды к нему обратился пациент с невыносимой болью в животе. После обследования Хуа Хо пришел к выводу, что селезенка поражена и требуется операция по её удалению. В то время подобных операций ещё не проводили. Хуа Хо дал пациенту принять «Мафейсань», вскрыл брюшную полость и удалил некротическую селезенку. Менее чем через месяц пациент полностью выздоровел, что свидетельствует о высоком мастерстве Хуа Хо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.